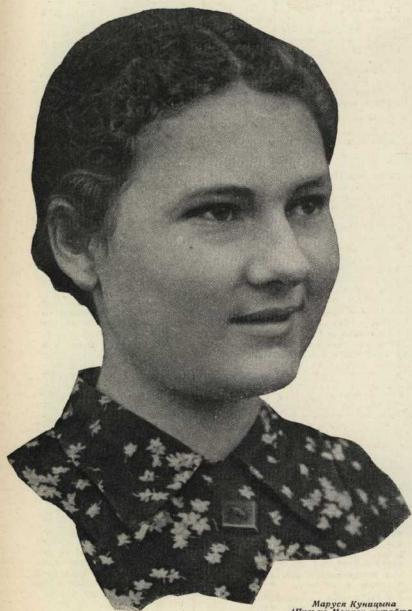

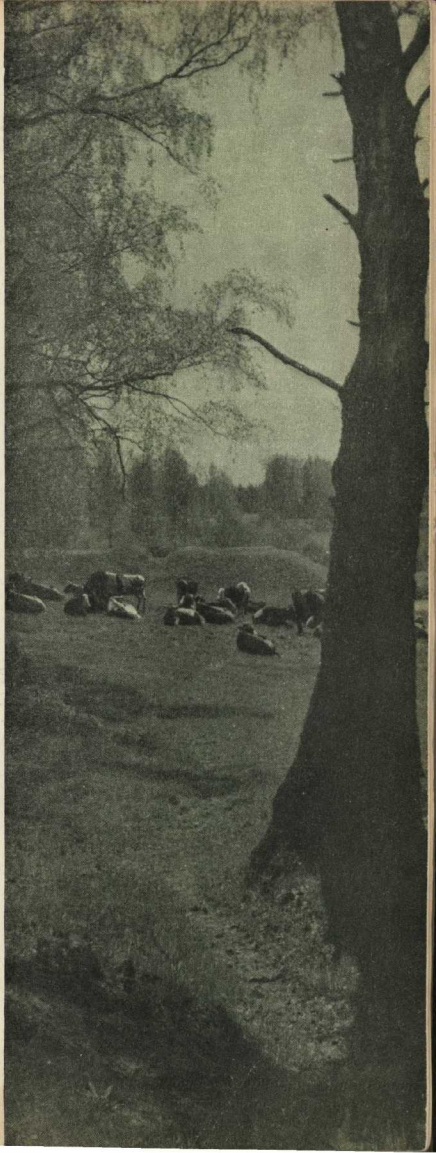
СМЕНА

Маруса Кузнецова
(Письмо Маруси читайте
на странице 12)

6

Издательство „Правда“

ЧЕШЬЕ ПИСЬМА

Во втором номере «Смеи» была напечатана статья десятиклассника Юрия Федорова по своему письму. И ответ на нее он получил много Юрием от влиятельных читателей журнала. С разведением студентов мы печатаем здесь несколько писем на ноты Юрия Федорова.

Здравствуй, Юрий!

Я прочитаю ваше письмо в «Смеи» № 2. Хотя в нем нет никаких вопросов, но мне очень хочется написать вам что-нибудь хорошее.

Мне очень нравится ваша откровенность. Вообще я люблю откровенных людей. Мне кажется, что мир был бы в два раза лучше, если бы все были откровенны и верили, что их поймут.

Вероятно, вы очень смелый человек. Надо иметь смелость, чтобы сказать всем о себе так прямо. Но все уметь сделать это.

И не всем нравится такая откровенность. Поэтому мы, пока-завшись, получили письма, в которых люди скажут, что вы нарочно писали, что это вы не имеет значения хотя бы потому, что дано задание.

А мне кажется, Юра, что вы правы. Большинство из нас

нищего плодого не делает с намерением. Обычно плохие поступки делаются不由自主.

И всякий человек не хочет, чтобы его поступок расценивался неправильно. Но многие не верят, что их расценят поистому, боится, что им не поверят или осмеют. Мы часто слышим: «Густу думают обо мне, что хотят, мне нет от этого дела». Но это только фразы. Правда, мне говорит так, чтобы выделиться, стать оригинальным или показать себя танина.

Один человек не всегда поймет сразу, как сделать правильно. Коллектив может помочь в этом. И когда коллектив будет знать не только наши поступки, но и причины, по которым мы сделали их, он не допустит второй такой ошибки. А когда он будет знать наши мысли, прежде чем мы пре-

творим их в жизнь, то плохих поступков совсем не будет. Когда-нибудь будет много так. Обязательно будет Юрий И это будет очень хорошо. «Человек». Это звучит так хорошо. Будем ему верить. И тогда мы построим новый, замечательный мир.

Боюсь, что вам это давно известно и показается смешным, что какая-то «ироничная» считает это своим открытием. Вы, вероятно, москвич. Я живу на далекой малойной станции, где всего 12 тысяч жителей и очень трудно достать в библиотеку нужную книгу. Но это — все не то. Я просто хочу написать, что очень рада за вас, что желаю вам всего хорошего.

Будьте счастливы и никогда не теряйте веры в людей.

С приветом Зина Ульяновская,
С. Чухломка,
Повенецкой области.

Скорее вернулся в школу, в коллектив, к друзьям, к учебе и радостям. И отнюдь не сворачивайте дальше, если бы ты не сделал этого? Ты думал об этом? А сколько среди нас таких, которые сами не могут найти для себя правильных ответов, уходятся от друзей и школы и продолжают воображать, что жизнь так уж ужасна, что одних должно быть хорошо, а другим обязательно плохо, что люди несправедливы и прочую чурагу!

Мне очень понравилась ваша откровенность, Юра! И в комсомоле уже три года. Тоже было у меня много ошибок. Я приветствую тебя за то, что ты принял решение не давать себя обидеть от какой-нибудь неудаче. Желаю успеха в работе и хорошей дружбы. Ты еще не раз увидишь в жизни, что есть много хороших друзей и хороших девушек. И еще будешь подсмеиваться над всем, что так мучительно пережил. Ты в классе читал твою статью.

С приветом Вера
г. Ляжской.

длится, радости и счастья, это великое дело в жизни. Без него тускла даже самая совершенная жизнь. И что хорошо и честно любить то, что отличает его от остальных, честно, настойчиво и твердо характера.

А что было результатом твоей любви, Юра? Отчаяние, разочарование, или что-то еще? Ты скажи сейчас: «Да, хорошо тебе говорить...» Ничего подобного! В душе я тебе очень сочувствую, но ты делай не это.

Целью: почему мы иногда при любом жаждем испытании «разрываемся» Неужели мы не отличаемся честно любить, не отличаемся смелостью, настойчиво и твердо характера? Нет! Этого не может быть.

Ну что стоило тебе, Юра, сделать небольшое усилие над собой и не бросать школы, не сидеть в гордом одиночестве? Неужели у тебя настолько не хватало силы воли? Вот в этом твои главные ошибки. Хорошо, что ты все-таки нашел в себе мужество пойти к себе критически и очень

Здравствуй, дорогой неизвестный Юрий!

Только что прочел твою заметку и решил написать несколько строк. Больше ничего мне вам терпелось то, что у нас почти общие взгляды на жизнь, на само себя. Основное и главное у нас — это любовь, уважение, взаимный интерес, стремление стать полезными людьми. И никакая сила, никакая «спешка», в том числе и любовные отношения, не могут погасить светлой надежды на будущее. Этого будущего я ищу упорно и готовлюсь к нему. О, как хорошо это будущее! И мы должны научиться узнавать, как они живут, и видеть впереди нас много людей, которые будут советская власть. Я

Уважаемый тов. Федоров!

Вы очень хорошо сделали, что написали о себе в журнал «Смеи». Вы осветили то, в чем многие из нас хотели признаться самим себе. Если и только дойдут до нас, бы хотели сказать, что самолюбие чаще всего мешает правильно решать вопросы личной, а иногда общественной жизни.

И вот я хотела бы поделиться с вами своими взглядами на самолюбие и на его, в большинстве случаев, последствия. Буду говорить о себе. Начну с того момента, когда мое самолюбие стало остро ощущаться.

Учась в первом классе, меня любили все мои товарищи и уважали преподаватели. В школе я была «красоткой» погостеской, меня упрямляли принимать участие в выпуске стенной газеты, в олимпиадах. Я ломалась и отказывалась, молчавшую отказывалась от всего это не так, как мне представлялось. Мне всегда казалось, что делала то, что я хочу. Меня считали самой остроумной девочкой. И это очень отразилось на моем без того уже большом самолюбии. С тех пор я не могла терпеть приказания и не допускала мысли, что мои капризы могут быть невыполнимыми.

Но вот подошел конец учебного года, и все мы, семиклассники, стали мечтать о будущих специальностях. Я отнюдь не окончила седьмой класс и решила бы самостоятельно графикам сооружений. Поступила в коммунально-строительный техникум. Но когда пришла туда, то увидела, что там, где здесь, среди взрослых людей, я уже не смогу быть абсолютным авторитетом. Но я решила пойти в Первую школу, в окончила хороша, меня превратила, и я вновь решила, что мне уже никто не смеет указывать на недостатки.

На втором курсе я уже после каждого замечания преподавателя принципиально не отвечала на вопросы по пройденному курсу, записала чьи-то темы и потом в одну ночь нагнала.

Точно так же, как вы, я наслаждалась на хорошую память и способность.

Но все было в том, что у меня не хватало одной котлиной оценки, чтобы быть стипендиатом. И тогда я и издалась самое важное, о чем я хочу сказать. Я совершенно бросила заниматься с головной ушла в литературу, заглянула в словарь, и прочла, что именно перестала посещать занятия по предлогу болезни. Домашние задания и расчеты делала только в том случае, если когда мне преподаватель заметил, что от моего расчета он ожидал гораздо большего, я отвечала: «Болезнь моего подопечного».

И вот, когда я прочла, что тоже гением считали, но вы знаете ли, разочарован. Я знала, что поступаю неверно и что виновата в этом глупое воображение и большое самолюбие. Прочтя вашу статью, я раз и навсегда решила покончить со своим самолюбием, учиться значительно лучше, но не меньше, чем в прошлые годы, и больше своих показателей.

Узнав благодарно ваши добрые примечания и надеюсь, что на это последовала ему.

Ксения Потоцкая

г. Новороссиенка.

СМЕНА

Общественно-политический и литературно-художественный журнал ЦК и МК ВЛКСМ для учащихся старших классов средней школы

В НОМЕРЕ: Речь товарища М. И. Калинина на собрании учащихся 8, 9 и 10 классов средних школ Ленинского района г. Москвы, стихи А. Исаковского «Путешник», рассказ И. Чумака «Готты», стихи о Омантеши И. Ушакова, рассказ Арнольда Цвейга «На пляже», статья педагога А. Давыдовой «Поговорим о предании», спортивный очерк В. Витковского «Каньонборство», «Три рассказа о двух братьях» И. Раковского, очерк О. Фини «Поместитель ветра», стихи А. Кумарина «На вершине», очерк М. Пегельского «Морской бой», заметки из жизни школьницы города И. Шадринова «Взлет и падение», научный очерк В. Петрова «Обитатели заповедника», отрывки из романа на письмо Юрия Федорова «О самом себе», Обложки номера И. Гуцкова и Е. Тиханова. Оформление номера В. Урица.

№ 6
Июнь 1941 г.
Год издания
восемнадцатый

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, 40, ул. «Правды», д. 24, комната 710, телефон Д 3-34-24

Счастливого плаванья!

Фото Е. Тиханова.

«ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»

Можете пожелать нам счастливого плаванья.

Скоро наша грузинская ладья отчалил от берега и мы, словно древние варяги, поплывем по Каспию. Да, именно, как варяги, по их старинному пути.

Трудно поверить, но когда-то, в давние века, по нашей мелкой, петлястой, заросшей куппинками речушке, скрюченно притую Западной Двины, плыли разукрашенные греческие ладьи и тяжелые варяжские барки с загнутыми носами. Именно по ней проходила центральная

часть великого водного пути древности, о котором в старинной летописи говорится: «Двина идет на полуножье и виднеть в море Варяжское. Тем-же и из Руси можешьйти по Двине в Варяги».

На берегах Балтийского моря жили варяги, предки нынешних шведов. Они вели торговлю с греками, заселявшими в то время побережье Черного моря. Товары возили из Балтийского моря через Неву, Ладожское озеро, реку Волхов, озеро Ильмень, реку Ловать, во-

локом тащили к реке Усвяте—притоку Западной Двины.—далее по Западной Двине, реке Каспиле, Каспийскому озеру, реке Угре и волоком до Днепра, откуда вина по течению в Черное море. Северная часть пути по Двине называлась «варяжской», а южная — «греческой». Наша мелководная речушка Каспия является подлинным путем «на варяг в греки».

Но это — еще не все. По ней шла кратчайшая и наиболее удобная дорога из Западной Европы в Восточную. Этим же путем ходили из Но-

Сербится на солнце веселая Каспля.

города в Киев первые русские князья — Аскольд и Дир, — а за ними и «вещий» Олег.

Каждое село на этой реке, каждый город имеют свою историю. Деревня Воловова получила свое название потому, что через нее по легкой дороге на катках везли тяжелые лады. В деревне Лакшейной их ремонтировали.

Московское государство граничило здесь с Литвой. На берегах Каспли происходили ожесточенные битвы русских с Литвой, с Польшей, с Наполеоном. Именно здесь, в Поречье, действовал в 1812 году со своим отрядом один из первых русских партизан — Николай Мичурин. По этим берегам вел свои войны и Барклай де Толли. А в 1918 году на этих берегах сражался с белоказаками и пал смертью храбрых герой гражданской войны, руководитель пореческих большевиков Янов Демидов.

Поречье — древнерусский город — переименован в Демидов.

Все это мы узнали, когда вместе с преподавателем географии Иваном Кузьмичем Головинским познакомились по картам и книгам с мыслями для нашего летнего путешествия маршрутом.

Нам очень хочется узнать побольше о жизни и обителе тов. Демидова. Ведь в городе и окрестных деревнях живут участники гражданской войны. Можно поговорить с ними и записать их рассказы.

Просто не верится, что наша речушка Каспля была свидетелем стольких событий. Сколько памятников содой старина мы найдем на ее берегах, сколько сделаем интересных снимков, записей, зарисовок!

И разве Каспля, играющая такую большую роль в прошлом Смоленской земли, не сможет послужить и теперь? Мы изучим подробно реку — сделаем промеры глубины, определим быстроту течения, чтобы узнать, можно ли использовать Касплю для сплава леса, для перевозок, для выработки гидроэнергии. Этим займутся наши гидрологи.

У геологов своя забота. По берегам реки залегают различные горные породы. Надо познакомиться в них; вдруг найдем полезные для нашей области ископаемые?!

Ботаники будут собирать гербарий.

Мы строго распределили между собой обязанности. Всего нас поедет 14 человек, считая Ивана Кузьмича. Ваня Никольская и Ваня Первых будут руководить историческими исследованиями, Шура Егоров и сестры Колзвы — ботанической работой, Тая Сибирякова — геологической, Николай Мышко и Юра Селивоники взяли на себя гидрологические исследования, фоторепортаж, составление карт... Словом, каждый знает свое дело.

Мы уже провели предварительные тренировочные походы (оказалось, что все члены кружка умеют довольно хорошо ориентироваться на местности, готовить еду, разбивать лагерь), изучили карту маршрута настолько, что все лесены, где будем останавливаться, знаем наизусть.

За восемь дней мы проплывем на лодке около 120 километров. В Сураже, у места впадения Каспли в западную Двину, мы думаем продать свою лодку и на пароходе поехать до Витебска, а оттуда поехать в Смоленск.

Хочется уже скорее отправиться в путь.

Тая Сибирякова, Николай Мышко, Юра Селивоник.
26-я школа, г. Смоленск.

Часы мы вместе с Иваном Кузьмичем изучали карту нашего маршрута

Речь товарища М. И. КАЛИНИНА

НА СОБРАНИИ УЧАЩИХСЯ 8, 9 и 10 КЛАССОВ СРЕДНИХ ШКОЛ ЛЕНИНСКОГО РАЙОНА г. МОСКВЫ
17 апреля 1941 года.

Товарищи, хотя я и не так уж редко общаюсь с молодежью, но все-таки мне всегды приходится теми настроениями и чувствами, которыми вы живете. Да это и понятно: ведь вы своим возрастом и своим положением стоите на шаг вперед. За эти годы многое из того, что было пережито в молодости, улетучилось из памяти, а то, что помню, и переживаю, покажется вам глубокой, глубокой стариной. Если вас спросить, — как вы представляете себе жизнь молодежи в те годы, — то вам, пожалуй, будет очень трудно ответить на этот вопрос: уж слишком давно это было.

И все же я считаю, что жизнь молодежи 40—50 лет тому назад представлял известный интерес для нас. Не претендуя на глубокое знание этой молодежи, со всеми ее достоинствами и недостатками, мне хотелось бы нарисовать вам, пускай даже в слабом виде, картину того, как и чем она жила, из каких типов состояла и какие переживания испытывала. Причем, я буду говорить, главным образом, о рабочей молодежи, в среде которой мне приходилось больше всего общаться.

Правда, я был связан с ней лишь менее тесно еще с крестьянской молодежью. Но что можно рассказать о жизни крестьянской молодежи в те годы? Ничего тут интересного и поучительного не было. В массе своей крестьянские парни и девушки были обременены работой и домашними хлопотами. Крестьянская молодежь жилось тоже несладко, но все-таки она имела известные преимущества хотя бы в том смысле, что ее организм был неизмеримо чище: она могла больше увидеть и узнать. А кругозор крестьянской молодежи был ограничен интересами села и она немного знала, что творится за околицей. Едва человеку исполнилось 13—15 лет, как его уже впускали в работу. А к 16—19 годам путь молодого крестьянина был уже окончательно определен: он женился, отделился от отца и кое-как устроился свое хозяйство.

Учащуюся молодежь я мало знал, хотя и сталкивался с ней. Но ведь столкнуться — не значит узнать. На учащуюся молодежь и смотрел как со стороны. Надо еще прийти ко мне и то, что для меня это был другой класс. Все же форма студенчества не проходила бесследно для рабочей массы. Помимо сочувствия к этой борьбе, выработка и крепление симпатии к студенческой молодежи.

Итак, говоря о молодежи daquela эпохи, я имею в виду, главным образом, рабочую молодежь.

Что же представляла собою тогдашняя рабочая молодежь? Из каких типов она состояла? Что ее интересовало, чем она жила, какие мысли фразы в ее толках?

Типы людей среди тогдашней рабочей молодежи были довольно разнообразны, вероятно, так же разнообразны, как и сейчас. В первую очередь это были люди, которые стремились всеми путями и всякими способами из рабочей среды, побольше заработать, получить привилегии, приобрести внешний «культурный лоск», в особенности, — в costume, затем связи со служанками заводов, жениться на их дочерях с тем, чтобы при удобном случае продвинуться или как-нибудь добиться какой-нибудь административной должности. Конечно, людей такого типа в молодежной массе было немного и политического значения они не имели.

Другой тип. Это были работники, которые либо совсем учились, в особенности, либо уже кончили учиться и стали самостоятельно зарабатывать. Все их интересы сводились к заработку, к обеспечению домашнего уюта и лич-

ного благополучия. Производство и личное благополучие — вот сфера их интересов, за пределы которой они не выходили. Людей этого типа было значительно больше, чем людей первого типа. Но и они составляли незначительное меньшинство.

Встречались иногда среди рабочей молодежи

физикалы и подхалимы. Но их было совсем мало. Это были буквально единицы. Эти люди стремились улучшить свое положение угодничеством и доносом. Они были связаны с мастерами, полицией и высшим начальством заводов. В рабочей среде не переносила таких людей. Они всегда были окружены атмосферой всеобщего презрения, им крепко доставалось, а зачастую их просто били.

Но для подавляющей массы рабочей молодежи был характерен тип людей, настроенных оппозиционно по отношению к существовавшим тогда общественным и политическим порядкам. Именно из среды таких людей выдвинулись тогда настоящие революционные бойцы. В массе своей рабочая молодежь всегда была прочной опорой нашей партии. Это был как бы боевой отряд рабочих, выполнявший в моменты стачек и протестов наиболее активную роль под руководством партийцев.

Нельзя, однако, сказать, что оппозиционность рабочей молодежи с самого начала была вполне осознанной. Очень часто эта оппозиционность прощлась стихийно и выливалась в такие формы, как забивание алохих мастеров — хозяйских прихлебателей, волондешей и т. д.

С течением времени под влиянием социалистической пропаганды и под руководством передовиков-марксистов среди рабочей молодежи возникли нелегальные кружки, в которых устремлялись люди с известными проблемами общественного сознания. Чем дальше, тем все

больше и больше они задумывались над положением рабочего класса и над многими вопросами общественной жизни. Они с жадностью читали марксистскую литературу, углублялись в теорию научного социализма, серьезно занимались самообразованием, поднимали не только свой политический, но и культурный уровень развития. В кружках разрабатывались горячие товарищеские дискуссии как по злободневным вопросам политической жизни, так и по прочитанным книгам. Так шло формирование классового, социалистического сознания наиболее передовых представителей рабочей молодежи.

И надо вам сказать, что участники нелегальных марксистских кружков были наиболее активными людьми не только среди молодежи, но и среди пожилых рабочих. Хотя они вели свою работу конспиративно, но значительная часть рабочих хорошо знала об этом и осторожно помогла им в осуществлении тех или других революционных назначений.

При этом внешне мы мало чем отличались от остальных рабочих. Так же, как и другие молодые рабочие, мы ходили по чайным и трактирам, а иногда, возвращаясь ночью с работы, даже забирались в чужие дома, радуемся для озорства, чтобы показать свою храбрость, но отнюдь не потому, что нам уж так были нужны яблони. Помню, как сейчас, в одном из садов около Путиловского завода был сторож, у которого ружье, заржавленное солью. Ну, как тут не попользеть в сад, если ты при этом рискуешь получить заряд соли? (Смех).

Бывали мы на общих вечерниках, устраивали свидания с девушками, гуляли. И чтобы погулять в общественной садов, иногда лазали туда через забор. (Смех). И лазали вовсе не потому, что у нас не могло хватить 10 копеек для уплаты за вход. Нет, деньги у нас были, а иногда мы зарабатывали и гривенник могли заплатить. Но ведь перелезть через забор это все-таки риск: тебя могут поймать и с «триумфом» вывести из сада. Как же тут не попольз! (Смех). Лазали и девушками гуляли. Гуляли так же, как и вы, вероятно, гуляете. Я думаю, вы гуляете, но думаю, что теперь это происходит так же, как было 40—50 лет тому назад. Как будто в этом отношении теперь совсем ничего изменилось. (Смех).

Итак, по внешности мы жили самой обыкновенной жизнью. Если бы кто-нибудь понаблюдал за нами со стороны, то не заметил бы ничего особенного.

Но все-таки мы отличались от остальной рабочей молодежи. В чем же заключалось наше отличие? Мы отличались тем, что у нас было особое внутреннее содержание, особый интереса рабочему. Занятия в нелегальных кружках и чтение революционной литературы расширили наш политический кругозор, развили нашу жизнь, глубили содержание. Раньше мы к вопросу фактам провозгла на заводе относились, как к отдельным безобразиям, а теперь уже стали рассматривать их, как систему угнетения рабочего класса со стороны не только заводского начальства и предпринимателей, но и самодержавия.

По внешности как будто все оставалось без изменений. Мы с вами, вероятно, гуляли, и свидания ходили, и на вечерниках танцевали, и романы, конечно, читали. (Смех). Но в наших мыслях было уже нечто большее, чем «амурное» благополучие в рамках семьи и роман. Наши мысли были устремлены к общественной работе. И даже, бывая теперь на

вечерник, мы думали, как бы использовать его для своих революционных целей».

Так истекли и те и другие годы. Мы вошли в идеальную жизнь. А ведь идеальная жизнь это и есть самая большая и самая интересная жизнь! Вот в этом и заключалось наше отличие от остальной рабочей молодежи, которая мы всегда были тесно связана и в которую постоянно опиралась в своей революционной работе.

Разумеется, наши возможности идеальной жизни были куда более ограниченными, чем те возможности, которыми располагает в настоящее время советская молодежь и в частности, мы, учащиеся старших классов средних учебных заведений.

Во-первых, мы тогда в гимназиях не учились, для нас среднее образование было недоступно. Больше того: далеко не каждому из нас выпадало счастье увидеть народную школу. Следовательно, в этом отношении мы стояли значительно выше рабочей молодежи того периода времени, и уже по одному этому у нас большие возможности для идеальной жизни.

Во-вторых, идеальна, классово-сознательная рабочая в те времена принадлежала преследованиям: выгоняли с заводов, арестовывали, выслаивали в т. д. и т. д. Поэтому в те годы мы могли проводить в жизнь только идеальное. И вот, если в то время человек хотел жить идеально, развиваться политически, работать в интересах народа, бороться и строить страну, идти по пути прогресса, то перед ним была только эта, усеченная терниями, узкая дорога, из которой нельзя выйти, конечно, только немногие люди. Поэтому в то время и в отношении нас существовали неограниченные условия. К нашим услугам все необходимые просторы — только работать!

Однако, если бы мы спросили нас, — не рассказали ли в те годы, избрав именно такую дорогу в жизни, — то в этом и должен был ответить: для человека, который стремился к большой жизни, а не к узкой, не к обязательной жизни, а к своей, идеальной, — было только личное, чисто индивидуальное благополучие, для человека, который хотел прожить свою жизнь действительно хорошо и интересно, для такого, который не знает своего пути! И тут говорю вам как будто все о себе. Но на самом деле это не так. Ведь я только один из многих, и потому все то, что я вам сказал, и что вы сейчас слышите, это только мое мнение о развитии и понимании жизни. Я только оказался счастливым в том смысле, что могу здесь стоять перед вами и бесновать по душам, а большинство моих сверстников, вероятно, давно уже умерли.

Итак, идеальная, насыщенная общественными интересами, целеустремленная в этом смысле жизнь есть самая лучшая, самая интересная жизнь на земле. Да ведь обрести такой жизни можно только, по существу говоря, вся жизнь товарища Сталина. (Продолжение в следующем номере).

Но мы можем мы сказать: «Да, жизнь товарища Сталина действительно есть образец высокой и идеальной и благородной жизни. Но ведь мы же рывоме люди, а ты нам говоришь о великом человеке, о великом идеале, о великом счастье и работать у наших учителей и вождей — Ленина и Сталина, которые обладают способностью не только лучше всех понимать и проводить в жизнь, но и осуществлять общественное развитие, но и лучше всех и столь же правильно удовлетворять эти потребности».

Жить большой, идеальной жизнью — это значит жить общественными интересами самого передового и наиболее прогрессивного класса своего времени, а в настоящее время — интересами советского народа, интересами трудящихся. Если мы будем жить такими интересами, если все наши мысли будут устремлены к тому, чтобы еще больше возвысить свой народ, чтобы еще больше возвысить и военную мощь своего народа, если мы будем отдавать все свои силы борьбе за полную победу коммунизма и эта великая идея будет доминировать в нашем сознании, то и не сомневаемся, что вы действительно проживете большую жизнь.

Товарищ, молодежи всех времен и поколений свойственно предаваться мечтаньям и разным фантазиям. Это — не плохо, а даже хорошо. Но если деятельный и нормально мыслящий человек не может обойтись без фантазии.

Но у молодежи эта склонность бывает развито значительно сильнее, чем у взрослых людей. Кроме того, мы все больше богатых и разнообразных фантазий. Каждый из нас фантазирует в соответствии со своим общим умонастроением и уровнем развития. Но, конечно, предельно развитые фантазии, так сказать, еще чистотой нельзя сравнить с предельными полетами и «слотомом» вышей фантазии. И все-таки, как вы видите, очень много представлений рабочей молодежи о мире, о жизни, о счастье захвачены мечтами о лучшей, более целесообразной жизни. В этом, я думаю, у нас было много общего с вами.

Между прочим, лично я тоже немало фантазировал. Например, когда было около 15 лет, я мечтал быть моряком. Тогда я еще не работал на заводе. И вот, подготовился к суровой матросской службе, и три месяца sailed по морю. Мне хотелось сделать себе выписку, и я говорил тогда: ну, какая же это морья, который сит на кровати. (См. ех.) Я думаю, что и в ваших головах востека подобные фантазии. Они — усечены 9 и 10 классов. Это как раз тот возраст, когда людей обрывает фантазия и стремления к чему-то большому. Да иначе и быть не может! Каким образом, например, человек может быть не фантазер о большой жизни, если каждый из нас не думает свернуть горы или перевернуть земной шар Архимедовым рычагом? (См. ех.)

И ведь вам, как я уже говорил, легче вступить в борьбу за большую жизнь, чем это было нам. Если бы меня спросили, — как практически поступать на этот путь, — я бы ответил: пока вы еще требуете не очень много, поскольку вы еще находитесь на школьной скамье. Для начала, так сказать, для закладки фундамента, чтобы стать творцами большой жизни, вам надо овладеть тремя предметами вышей учебной программы. Только тремя! Вы видите, какой я скромный. (См. ех.)

Прежде всего, вы должны хорошо знать русский язык. Я считаю, что знание русского языка — это основное преимущество человека в общем развитии человека. Ведь нет такой науки, которую вам придется изучать в будущем, особенно, если вы пойдете в гуманитарный вуз, и нет такой сферы общественной деятельности, где бы не требовалось хорошее знание русского языка. И даже в обывденной жизни такое знание необходимо для того, чтобы понимать и толковать слова, мысли, чувства, самые глубокие переживания. Ведь если человек хочет все это сделать достойнее других людей, то он должен выразить это предложение, правильно оформленным синтаксическим и грамматическим.

Я думаю, вы часто слышите от своих товарищей: «Я понимаю предмет и хорошо его знаю, но никак не могу рассказать». (См. ех.) А почему они не могут рассказать? Да потому, что не владеют родным языком. Представьте себе, что молодому человеку захотелось написать письмо своей симпатии. Допустим, ему было 15 лет, а он пишет: «Дорогая моя, я беспредельно люблю тебя». (См. ех.) Чувства мои так велики, что я не могу их выразить. Для этого у меня только есть русский язык». Конечно, девушка скажет: «Как хорошо!» (См. ех.). Ну, а если это будет не наивная, не простая, а очень грамотная девушка? Я уверен, что такая девушка скажет: «Ведный мальчик, как ты пишешь так маленькая глупость». (См. ех., продолжение в следующем номере).

Изучение родной речи — это великое дело. Самые высшие достижения человеческой мысли, самые глубокие знания самые интересные открытия, самые неизвестные для людей, если они не будут ясно и точно оформлены в словах. Язык — это орудие для выражения мысли, мысль только тогда становится мыслью, когда она высказана в речи. Язык она вышла наружу посредством языка, когда она как сказали бы философы — опосредствована и объективировалась для других. Вот почему и изучение родного языка — великое дело, основное, что требуется для вышей дальнейшей работы.

Третьим предметом, который я также считаю совершенно необходимым для вас является математика.

Почему же я так выдвигаю математику? Почему и считаю ее такой важной наукой. Почему

во в современных условиях и именно для вас, для советской учащейся молодежи? Прежде всего, потому что это является наукой, приучает к логическому мышлению. Недаром говорят, что математика — это гимнастика ума. Я не сомневаюсь, что голова у вас ломится от мысли (см. ех.). Если бы вы только учились, дисциплинировали, например, если можно так выразиться, в русло полезной работы. Вот математика и поможет вам справиться с этой мыслью. Если бы вы только учились, подходил для ученых, чем для вас, и я не думаю, чтобы они очень сильно подтолкнули вас к изучению математики.

Во-вторых, — это, пожалуй, будет вам ближе всего, потому что практическое применение математики огромно. Какую бы науку вы ни изучали, в какой бы вуз ни поступали, в какой бы области ни работали, если вы хотите остаться в какой-нибудь науке, если вы этого все же необходимо знание математики. А кто из нас не мечтает теперь стать моряком, летчиком, артиллеристом, квалифицированным рабочим в различных отраслях нашей промышленности, строителем, металлургом, слесарем, токарем в т. д., опытным полеводом, животноводом, садовником и т. д., путевиком, паровозным машинистом, трактористом, тракторным мастером, эти профессии требуют хорошего знания математики. И потому, если вы хотите участвовать в большой жизни, то широкое знание головы математики — это то, что вам необходимо. Она окажет вам потом огромную помощь во все вышей работе.

Вот вам пример. Один из крупнейших oculists в Москве сказал мне, что он окончил университетскую физику, плохой окулист. Я не спросил его, о какой части физики он говорит, во, повидному, он имел в виду оптику. А оптика почти ничего не состоит из математики. Правильно и говорю? Правильно, правильно. (См. ех.) Видите, математика будет нужна и тем из вас, кто пойдете по медицинской линии.

Третьим же предметом, я считаю чрезвычайно важным для вас, это, — но я боюсь, что вы еще удивитесь тому, что я собираюсь сказать, и может быть, не вполне со мной согласитесь. Формула! Правильно и говорю? Правильно, правильно. (См. ех.) Видите, математика будет нужна и тем из вас, кто пойдете по медицинской линии.

Почему же я поставил физику на одну линию с русским языком и математикой? Почему я считаю ее одним из основных предметов обучения и воспитания? В первую очередь потому, что я хочу, чтобы вы знали физику, чтобы вы были советскими гражданами. Если наша школа будет выпускать людей с испорченными нервами и расстроенными желудками (см. ех.), нуждающимися в лечении, то это будет не только трагедия, но и позор! Если же вы не научитесь любить свое дело, если вы не любите свое дело, то вы не сможете быть счастливыми в жизни. Какое же может быть счастье без хорошего, крепкого здоровья? Мы должны учиться себе здоровому здоровью — здоровых мужчин и здоровых женщин.

Во-вторых, я говорю о физику потому, что хочу, чтобы наши молодежь была легкой и выносливой. Прежде всего, потому, что вы будете здоровыми, должны и выносливыми. Но бывал и такие люди, которые от рождения обладало, как говорят, слабым здоровьем. Они остаются здоровыми, но только если они живут в благоприятных условиях жизни. Есть даже так называемые здоровы, как вол. Однако, таких людей бывает немного. Средние же люди развивают и укрепляют свое здоровье и выносливость, и это зависит от того, что вы делаете, от того, что вы любите, от того и другое это дело выносливое.

Примером того, насколько человек может развить свою выносливость посредством тренировок, является пример Суворова. Я приведу вам этот пример потому, что все вы, наверное, смотрели кинофильм о Суворове. Как вы помните, он был настолько сильнымребком, что родные боялись, что он не выдержит его к военной службе. Однако, он сумел так себя закалить, что сделался, в конце концов, одним

ва высших людей своего времени и дожили, насколько я помню, до 70 лет. Прозвело или нет? Ведь не я, а вы должны знать историю. (Смеется.)

Вот мы и хотим, чтобы советские люди и, прежде всего, вы, учащаяся молодежь, были ловкими и выносливыми, как Суворов. И мы должны уметь и воевать. Когда я советую читать, я рекомендую вам прочесть книгу «Евон в Финляндия». Это очень большая книга, в двух томах. Когда я советую читать с одним моим знакомым, порекомендовать вам эту книгу или нет,—то он сказал, что не надо, мол, слишком велика, все равно не прочитаю. А он,—профессор и немалое же знает. Вместе с тем он рекомендует вам прочитать книжки, посвященные бою в Финляндии, поскольку они значительно меньше по объему. Но все-таки я решил порекомендовать вам именно эту двухтомную книгу. Думаю, что если вы возьмете ее в руки, то наверняка прочтете до конца—настолько она интересна и поучительна.

Чем же интересна эта книга? Она не дает общего обзора войны, но в ней красной нитью проходит та мысль, что современная война требует прекрасного знания военного дела, исторического складывания дела, знания истории, огромного напряжения физических сил, она требует колоссального труда, она требует выносливости, она требует исключительной ловкости, находчивости и умения ориентироваться в самых сложных условиях боя. Без этого теперь нельзя воевать. Между тем вы должны успешно готовиться к выполнению своего самого главного и священного долга—стать советские патриоты. А для этого надо, прежде всего, закалить себя физически, быть выносливым, здоровым и ловким.

Чем же интересна эта книга? Она не дает общего обзора войны, но в ней красной нитью проходит та мысль, что современная война требует прекрасного знания военного дела, исторического складывания дела, знания истории, огромного напряжения физических сил, она требует колоссального труда, она требует выносливости, она требует исключительной ловкости, находчивости и умения ориентироваться в самых сложных условиях боя. Без этого теперь нельзя воевать. Между тем вы должны успешно готовиться к выполнению своего самого главного и священного долга—стать советские патриоты. А для этого надо, прежде всего, закалить себя физически, быть выносливым, здоровым и ловким.

Мне кажется, что в наших школах слишком, если можно так сказать, обиделись на физику людей. Обиделись, потому что нежелательным смысле, а в том смысле, что изнеживают ребят и не приучают их ценить физический труд. Я не могу точно сказать, что тут виноват, но факт остается фактом. Видно, в какой-то степени здесь еще сказывается влияние пережитков старья в отношении к физическому труду. И, может быть, семья здесь. Больше всего виноваты, но школа не дает этому влияние должного отпора, она недостаточно воспитывает у ребят коммунистическое отношение к физическому труду. Поэтому многие ребята несколько завидуют физическому труду, респектуют его, как что-то такое заповное и неизменяемое. Я считаю это крупнейшей ошибкой. У нас в почте всякий труд. Нет у нас такого понятия, как физический сорт. Делом чести, славы, доблести и героизма является в нашей стране и труд камешника, и труд ученого, и труд дворника, и труд инженера и труд плотника, и труд художника, и труд сварщика, и труд артиста, и труд тракториста, и труд агронома, и труд продавца, и труд врача, и т. д.

Каждый советский молодой человек должен ценить физический труд и не считать самой простой работой. Кто из нас приучен к физическому труду, будет лучше знать жизнь, кто будет уметь делать для себя, по крайней мере самое необходимое, кто будет считать бедным, готовить пищу, содержать в чистоте комнату и т. д.—кто будет знать хотя бы какое-нибудь ремесло,—то, будьте уверены, никогда не пропадет.

Мне как-то довелось прочитать педагогические письма известного английского философа Джона Локка, известного более 250 лет тому назад. Обращаясь к государственному классам Англии, он там говорит о том, что родители детей спать на мягкой кровати; воспитывать их так, чтобы всякое слово было им мило,—вядь в путешествие нельзя тащить с собою мягкую постель, а на войне и позавно не при-

дется об этом думать; если молодой джентльмен приучен спать на жестком ложе, то спать на мягкой постели ничего его не привлечет, а тем более это будет полезно. Кроме того, Джон Локк рекомендовал родителям так воспитывать своих детей, чтобы они обязательно зацелились знанием немцы, а одним из основных предметов. Это всегда пригодится и может быть полезно даже очень умным людям, когда они захотят отодолить от шпательной умышленной работы, а тем более это будет полезно, если судьба поставит ножку человеку.

Как видите, в момент роста могущества Англии идеологи эксплуататорских классов советовали так воспитывать своих детей так, чтобы они не любили физический труд. Но в процессе работы и старались подготовить себя ко всяким условиям жизни. И все это делалось для того, чтобы еще больше укрепить господство капитала.

Но если дети английских капиталистов и помещиков выжидали этой пропаганды об уважении к физическому труду, если они не гуляли по просторной работе и старались себя закалить, чтобы легче пережить любое испытание в жизни, то тем более должна это понять наша, советская молодежь. Да же и как вы можете участвовать в физическом труде. Приучайте к нему, прежде всего, дома. Затем надо всячески развивать свою выносливость и ловкость.

Мне часто спрашивают: каков облик будущего коммунистического человека? А мне хочется, чтобы советский человек был здоровым, сильным, выносливым и непререкаемым перед своей родиной, чтобы он умел смело бороться за свой народ, за полную победу коммунизма. И я не допускаю мысли, чтобы наша молодежь в массе своей не хотела подняться. Это было бы несерьезно. Верно, конечно, (Голосок верно, верно). Конечно, разные люди. Но ведь я говорю о массе. Значит, надо готовить из себя сильных, ловких, выносливых людей, способных выдержать любые трудности и преодолеть любые трудности.

А теперь пойдете сами, куда годится такие люди, о которых недавно было написано в «Правде» корреспонденция под названием «Вперед к коммунизму». Корреспондент оказался в колхозе им. ОГПУ с 18-летним Виктором Н. «Сын колхозника, Виктор еще два года назад окончил семилетку, сейчас идет в школу, а старший брат уже окончил техникум, «выбрасывается» на работу, почему он не работает в колхозе, парень сделал кистую руку».

Вы семилетку кончили не для того, чтобы работать в колхозе,—сказал он.—Пусть там хромой Андрюшка работает, а я себе найду работу почище, я могу и в учреждении служить».

Когда я прочел эту корреспонденцию, то решил, что этот Виктор Н., кроме всего прочего, совершенно неграмотный человек. Если два года по окончании школы он ничего не знает, то как же он может думать, что и в школе он учился кое-как, сама первоначальная школа в класс, т. е. и грамоты он, как следует, не знает. Ну, а раз так, то надо подумать, что и для учреждения или—неграмотный человек. Да разве в нашей школе сейчас не требуются грамотные люди? Разве можно вести теперь сельское хозяйство без науки? Заумается, с такой «философией» и трудиться. Нет, это неграмотный человек, с которой надо решительно бороться. Мы должны добиваться того, чтобы из наших школ не выходил подобный род людей. Советский народ не может мириться с невежеством. Что же это выходит? Мы делаем революцию, чтобы свергнуть белых и черных и тунцевцев, а тут, внезапно видеть, растут новые белозельники и тунцевцы. Нет, это неграмотный человек, с несет определенную долю своей ответственности.

Товарищи, когда я говорил вам о русском языке, математике и физкультуре, то я вам и сейчас хочу указать на значение других предметов школьного обучения. Следовать этому, это не значит, что мы выкинем из школы все остальные предметы. Я остановился на языке, математике и физкультуре, что считаю их базой, которая облегчает нам освоение всех других предметов и дает вам возможность войти в большую жизнь. Я уверен, что если вы будете отчаянно учиться по этим предметам

основным предметам, то и по всем остальным предметам школьной программы вам обеспечен полный успех, ибо сливком тесна связь между ними.

Товарищи, если выдать основной смысл всего того, что я хотел вам сказать, то это не является чем-то новым. Я лишь стремился напомнить вам о некоторых старинных приемах строгая известное указание товарища Сталина. В свое время он, обращаясь к молодежи, говорил: «Чтобы строгая, надо знать, надо складывать в своей голове, надо стараться запомнить, надо стараться понимать, надо стараться уяснить, учиться усердно, терпеливо». Возможно, что избранная мною иллюстрация к этому указанию не вполне удачна и потому она может быть оспорена в своей обоснованности. Я думаю, более значимыми с точки зрения педагогической.

В заключение позволю вам сказать, что в разные исторические периоды существовали разные прогрессивные школы, за историю более тысячи лет. Например, в 40—50 годов прошлого столетия основной прогрессивной задачей было освобождение крестьян от крепостной зависимости. И мы знаем, что все честные и прогрессивные люди того времени прямо или косвенно боролись за осуществление этой задачи.

В конце прошлого столетия и в начале XX века основной задачей выступала новая программа: смена задачи: свержение царизма в власти капитала, осуществление пролетарской революции и переустройство общества на социалистических началах.

В настоящее время основной прогрессивной задачей является укрепление социализма и построение коммунизма. Прогрессивность этой задачи очевидна не только для советских людей, но и для трудящихся всего мира. Для выполнения этой задачи необходимо, прежде всего, всемерное усиление экономической мощи нашей страны. Я думаю, что вы должны быть готовы к этому. И вот, мне бы хотелось, чтобы наши ребята, выполняя эту величественную задачу, сделали ее целью своей жизни, ибо только в этом случае наша жизнь выделится глубоким идейным содержанием.

Оружием в борьбе за коммунизм, за осуществление всех коммунистических идеалов служат марксизм-ленинизм. Это учение и его методы являются основой нашей жизни и практической, так и в научной деятельности. И это стремится к большой и яркой жизни, тот должен основательно знать марксизм-ленинизм. А ведь так сказать не может не увлекать нашу молодежь.

Товарищ Сталин говорил: «Молодежь—наша будущность, наша надежда, товарищи. Молодежь должна осмыслить нас, стариков. Она должна довести наше знание до победного конца... Правда, у нас не хватает знаний. Но знания—это драгоценно. Сегодня их нет, завтра они будут. Поэтому задача состоит в том, чтобы учиться и еще раз учиться десятилетиями».

Товарищи, вы сейчас находитесь в периоде становления. Я не знаю, повитно ли вам это слишком философское выражение? Другим философским выражением является понятие периода своего развития, когда из юношей, а которых преобладает фантазия, задор и необузданная христость, вы превращаетесь в зрелых людей. И тогда вы становитесь такими людьми, как и избранны окаятели, и тогда вы становитесь, вы только напущаете свое слово. Нам, 50 лет тому назад, легче было определиться, потому что перед нами лежала только одна узкая тропа. Мы должны были идти по ней, мы должны были неминимум скатываться в болото обмывальщины. Перед вами же бесчисленное множество практических путей. Эти пути вы сейчас видите, вы видите, вы видите, вы видите, вы видите, железнодорожники, артиллеристы, танкисты, летчики, инженеры, слесари, токари, строители, ученые, художники, врачи,—словом, работники всех отраслей физического и умственного труда.

И вот мне бы хотелось, чтобы в период своего становления у вас так же, как и у нас 50 лет тому назад, возобладало стремление к общественной деятельности, чтобы вы ставили перед собой задачи, имеющие великое значение для народа и доведенные до конца дела Ленина—Сталина. Если вы укрепите в такой идее неустойчивости и сумеете воплотить ее в жизнь, то вы и не сомневаясь, товарищи, что счастье и радость жизни будут вам обеспечены. (Бурные аплодисменты. Все встают.)

ПУШКИН

За Черной речкой в снегу талом
Раздался выстрел.
И на снег
Со взором мутным и усталым
Улыл усталый человек.

Потоки воздуха лесного
Все становились мутней...
Метель как будто...
Мгла...
Но снова
Луна,
Морозно,
Скрип саней...

Не показало ли поэту,
Что у бессмертия в краю
Наступа бродить по белу снегу
Он песню дивную свою?

Но нет,
Он верил, что вернется
Назад. Он знал, что боль его
Мильоновой болью отзовется
В народе века моего.

Под лютот стужей,
Неостывший,
Столетье прелестный враг,
Свиные,

Поэта погубивший,
Прошел сквозь каждого из нас!

...Мы проходили Ленин-город
Под непреклонным кумачом.
Вечерний сумрак был распрост
Прямим проекторным лучом.

Был ярост свет,
И в этом свете,
Где желт и воугут лунный диск,
Мы вспоминали о поэте,
Взглянув на строгий обелеск.

И в ночь,
Когда бойкам сдержаться
Немногогу,
И, окрылен,
Шел вдоль Карельского сражаться
За батальоном
Батальон,

Мы слышали:
В снегах у азморя
Поэта голос покрывал
Гром канонад. Он вышлал:
— Вперед, вперед, моя история!

1 Слова А. С. Пушкина.

ДОРОГОЕ ВРЕМЯ

После экзаменов мы все радуемся лету. Чувствуешь такую независимость, покой, полное освобождение от всяких обязанностей! Прямо безоблачно счастье! Но удивительно, по паркам культуры и кустарный футбол на заднем дворе... Появляется ощущение неудовлетворенности, несправедливости, все думаешь: «Чем бы еще заняться?» Это я копался на се- бе и, должно быть, мог прерваться в конце концов в сонного летняя, если бы не попал однажды на олимпиаду юных химиков. Больше всего меня там удивило, что каждый из нас, хоть чему-нибудь научившись в школе, может сам, своими руками, сделать много интерес- ных вещей.

Олимпиада продолжалась несколько дней, а впереди было длинное лето. Мне не хоте- лось, чтобы оно прошло так же скучно, как прошлое. И я решил устроить себе лаборато- рию.

В дровяной сарай поставил етод, прибил над ним полки, натаскал из дому скляночек и баночек и вместе со своим товарищем Орловым начал производить разные опыты. Внача- ле это был какой-то сумбур. Мы изобретали порошок, выискивали, будто бы нашли котенок ест кошатину, травил всех местных котов, испыты- вая на них действие газа.

Ог: разнообразных и достаточно неленных опытов и перешел к опытам по определенной программе, от простого желания научиться что-то делать самостоятельно—к определен- ному плану будущей жизни. Я заинтересовался биографиями великих ученых, и многие мисли, которые раньше никогда бы не пришли мне в голову, поразили меня. В биографии Тимирязе- ва я прочел историю о забастовке в универси- тете. Тимирязеву грозило исключение, больше всего на свете он любил науку и все-таки остался забастовщиком. И в старости он призна- вал, что поступил правильно. Моя наука, Это смысл моей жизни, но что сделало бы с моим нравственным обликом, если бы я не выдержал первого испытания? Так, постепенно

хотелось потерять и самого себя, если привык- ности делать себе уступки.

Цель моей жизни—тоже наука, но теперь, прочитав о Тимирязеве, я твердо помню, что важнее всего моральный облик человека, а профессия—это уж второе дело.

Когда я узнал из одной статьи, что Эдисон в течение года спал не больше четырех часов в сутки, мне стало вступать очень жалко своего времени. Я составил план работы, завел дневник. Не на словах, а по-настоящему я понял, как много можно сделать, если распре- делить всю работу во времени, почувствовал все времени, его цену. И образ моей жизни совершенно изменился.

В это лето я собирался заниматься органи- ческой химией. Еще весной заготовил для сво- ей лаборатории колбочки, пробирки, стаканич- ки, сделал спиртовые лампочки из консервных банок. Поговорил с нашим преподавателем хи- мии, и он дал мне общие указания о новом для меня предмете.

За два года самостоятельных занятий у ме- ня появились свои методики. Трудно, не имея специального образования и хроничекого обу- дования, откровенно Америку в такой разра- ботанной науке, как химия! Я и не рассчитываю на такие открытия. Мне просто хочется самому, на основании собственных доказат- ел, продать уже известные опыты.

Не заглядывая в книги и справочники, я ставлю опыты по пять—шесть раз, только контролирую себя по учебнику. Из-за этого мне приходится часто соучиться с Орловым и другими товарищами, которые иногда работая в моей лаборатории. Им все хочется по- кинуть, протрут и скорее бегут за что-ни- будь новенькое. И каждый раз заново прихо- дится убеждать их, что моя пока ничего не набрывается, а только учится.

Все приборы и вещества, с которыми мне приходится работать, лежат в полном порядке на отдельных полках. Раньше бывали у меня случаи, когда правильно поставленный опыт не

удавался только потому, что прибор был недо- статочно чист или плохо хранилось вещество. Однажды колба разорвалась у меня в руке и засыпала окиси протюгажа мельчайшими стеклышками. Это произошло потому, что газозольная трубка была зажата крышкой лица- ка. С тех пор я научился перед опытом очень тщательно осматривать приборы. Качества се- бя не хочется.

Опыты я все время подкрепляю теорией, читаю не только учебник и русскую литерату- ру, но и иностранную. Однажды мне случай- но попалась книжка по химии на немецком языке, и стало очень обидно, что я не могу узнать, что в ней написано. Тогда-то я и ре- шил научиться читать по-немецки и записал это в своем дневнике. Слово держу: каждый день занимаюсь языком не меньше двух часов и сейчас уже прошел курс за десятый класс. Зимой занялся на английский. Очень трудно выработать правильное английское произноше- ние, поэтому я купил фонетический курс английского языка. Завоку пластинку и повто- рю за ней слова. Предпочтено делать это ночью, когда все спит, а то со стороны та- кая «елекционная» очень уж смешна.

Сейчас составил календарь на каждый лет- ний день: оставить в свободное время, обяза- тельно устроить зарядку, до двенадцати рабо- тать в лаборатории по заранее продуманной программе. После двенадцати—больше про- дукции в Останкино или на канал, вечером за- нятия теорией и языком.

Летом я хочу пройти курс химии за деся- тый класс. Тогда зимой химия и немецкий почти не будут отнимать у меня времени и я смогу начать университетский курс по этим предметам. Свою программу я выполняю, как бы мне ни хотелось иногда побездельничать у меня это самый строгий контролер—мой дневник. Труднее всего оправдаться перед са- мим собой, тут невозможно фальшивить и приспосабливаться.

Николай ПРОНИН

241-я школа, Москва.

ГОСТЬ

РАССКАЗ

Его мы ждали давно, устали ждать. — Еще из Сорренто он прислал нам письмо, в котором заверил колонию, что скоро придет. Мы ждали его семь месяцев, но он все не ехал.

И мы перестали ждать. Большой двор колонии снова покрывал мусором и зарос асфальдой. Фангель, в котором он должен был жить, опять превратился в клуб, а триумфальную арку, сооруженную перед въездом в колонию, с досады раскачали и свалили на землю.

И вдруг, как подземный удар, телеграмма на нашем аистике: «Встречайте, мои дорогие друзья колонисты, еду к вам. Еду, встречайте!»

Была обеденный час. Над колонией только что провучала гора, и мы дружно улетали в своей тяжелой ступе «самолет» и первую кашу. Кто-то уже облизывал чашку, кто поглядывая на кухню в ожидании добавки, как вдруг вошел наш заведующий Антон и громко сообщил нам о телеграмме. Он сообщил нам о телеграмме, улыбнулся, и слезы большой радости заблестели в его угремых глазах.

Мы тоже было обрадовались этому известию, но потом вспомнили о сваленной арке, о мусоре и асфальде во дворе, и радость наша пропала. Сбивая друг друга с ног, мы, как отумоленные, бросились наружу. У нас еще было время кое-что сделать, и мы не хотели терять этого времени. Расквашив в кладовой сухие хворостяные лепешки, мы поджидали возле таварского павильона, что она не угадает до приезда гостя.

Он приехал немного позже, чем мы его ждали, — высокий, худой, залоснятый, одетый в белый костюм. Машина еще шла, а он уже открывал дверцу, обводя наши лица ясным, ласкающим, добрым взглядом.

Став по команде «смирно», мы сделали сают и закричали: «Ура!» В ответ Горький помахал нам рукой и, жмурясь от солнца, сошел на землю.

Потом подошла Антон в новой рубашке-украинке, он взял Горького под руку и медленно повел его по ливейке к фангелю. Мы было бросились следом за ними, но, увидев наизумленные брови Антона, остановились. Он вводил гостя во фангель на отдых, и нам нечего было там делать.

Вернулся Антон в сумерках, почти переполненный отбоями. Мы узнали его шаги издали. Он шел к нам и тихо напевал вальс-то украинскую мелодию.

Увидев нас, он приложил ладони к губам в знак безмолвия и замедленно шагнул.

— Сегодня, — сказал он, мягко улыбаясь, — сегодня отбоя не будет. Максим Горький ает спать, и тишина над колонией должна быть полной. Понятно, ребята?

— Понятно, Антон Семенович, — ответила мы.

— А сейчас, — продолжал Антон, — выделите двух хороших и надежных ребят. Они должны пойти на охрану фангеля.

Хорошо, Антон Семенович, — хором ответили мы и сразу вспомнили, кто из нас больше всего достоин охранять это великое место.

Мы спорили долго и шумно, ни за что не соглашались уступить друг другу. Но потом, чтобы прекратить спор, Антон бросил жребий, и счастье выпало мне и моему другу Кудряшю. Все ушло опять, и мы с Кудряшю отправлялись к фангелю, чуть не тащась от радости и очарования ночи.

Мы стергли фангель чужо и зорко. Каждый подозрительный шорох пробуж-

—Что здесь случилось, ребята? — тихо и спокойно сказал он,

да в нас истороженности и тревогу. Сжимая в руках плахи, мы так напряженно вглядывались в мрак, что отчетливо видели очертания самых дальних колонийских построек.

И вот, когда мы с Кудряшкой уже почти потеряли надежду увидеть что-либо, совсем рядом, в кустах, послышался шорох. Мы вздрогнули и оглянулись. Там,

в лавках, раздвинутых руками восточного старика, стоял незнакомец. Он был оборван, угрюм. Черная стетина вокруг рта и на щеках, ввалившиеся неподвижные глаза и обожженные трудом при-

давали ему страшный вид. Он стоял и чего-то ждал, устремив свой страшный взгляд в распахнутое окно фангеля.

Заметил его, я и Кудряшка замерли от страха. Крикнул он в это мгновение — и мы спрыгнули убежали бы прочь. Но он не крикнул: сияя с головы свою ранную шапку, он перекрестился и медленно направился к дверям фангеля.

Мы вышли из тени и преградили ему дорогу.

— Назид, — строго сказал я. Старик остановился, спокойно взглянул на нас и на минуту задумался. Затем, оглянувшись по сторонам, съехался и хрипато проговорил:

СТИХИ О СВАНЕТИИ

— Пустите, мне надо к Максиму Горькому.

— Зачем?

Старик не ответил, а я, ободрившись, вышел вперед и смело предложил ему сейчас же сойти с крыльца и покинуть колонню. Горький только что приехал, он устал и никого не принимает, тем более ночью, да еще таких босяков — грязных, оборванных и воюющих.

— Понятно? — спросил его Кудришка, когда я умолял. И добавил в угрозной в голосе: — А не уйдешь — твой собачья...

Но ты не уходи. Он был страшен в своем железном удурстве. Он понимался по ступеням все выше и выше, а мы, не в силах сдержать его натиск, медленно отступали к дверям.

— Да ты что, с ума сошел? — говорили мы полупшопотом. — Разве не видишь, что Горький лег спать?.. Уйди.

— Не уйду, — отвечал старик. — Не уйду, пока не пропустите меня к Алексею Максимовичу. Он обрадуется, увидев меня. Я знаю...

Тогда мы поняли, что этот человек похорошему не уйдет. Он не уйдет до тех пор, пока не будет удовлетворено, чего он хочет, — и я украдкой толкнул Кудришку в бок. Я только толкнул его, но он сразу все понял и, незаметно соскользнув со ступеней, исчез в темноте. Его не было долго, и изнемог и уже готов был бросить сопротивляться бродяге, как г-то совсем близко послышался зловещий и глухой озабоченный ворчание. Это Кудришка вел и фыркало цинично собак.

Наш заговор старик разгадал только тогда, когда увидел перед собой оскаленные собачьи морды. Он отшатнулся назад и замер, не смея пошевеливаться, перевести дух. При свете звезд я ясно увидел его искаженное ужасом лицо.

— Тузи его! — крикнул Кудришка и выпустил из рук цепи.

Собаки рванулись на крыльцо и с воем набросались на старика. Горьковский хрип, обиваясь, он кинулся бежать. Он бежал, а собаки, как вихрь, кружились у его ног, наполняя ночь озабоченным воем. Вой удалялся все дальше и дальше, в бабку, из бабки в ассы, из ассы — в другую бабку и вскоре совсем затих...

Задыхаясь от смеха, мы с Кудришкой попадали на ступени крыльца и смеялись до тех пор, пока не услышали над собой звон цепочек и тихое шлепанье туфель. Мы вздрогнули и с зреловой поспешностью на двери: перед нами с горничной свечой в руке стоял Горький. Он был в белое, высокий, худой, и на плечах его висела небрежно накинутый бархат халата. Тут же рядом, дрожа и изгибаясь, стояла его высокая черная тень.

— Что здесь случилось, ребята? — тихо и спокойно сказал он.

— Да, понимаешь? — ответил я, — бродяга оборванный какой-то лопамил во фальшле Горький, говорит, мне нужен.

— А Кудришка добавил...

— Ну мы просились отойти его от дверей, а потом взяли да напустили на него собак.

Горький переступил порог, потушил свечу и быстро сошел по ступеням на землю:

— Где же он, где он сейчас?

— Не знаем, найдите.

Сначала мы думали, что Горький шутит, но, увидев его холадный и злой взгляд, понял, что совершил страшную и непростижимую ошибку. Как ошалаевые, мы бросились с Кудришкой в асы.

С отчаянием звали собак, раздвигали кусты, лопамилы через упругие ветви, забывая про страх, про боль исколотых хворостом ног. Мы обискали всю бабку, весь асы, все окрестности — и никого не нашли. Когда мы вернулись назад, Горький сидел на нижней ступени крыльца и, судясь, нервно набивала табак своим большую черную трубку. Он ничего не сказал, ничего не спросил, только покачал головой и тихо заплакал...

I. МЕСТА

Только башни,
И туч покрывало,
И дужак зеленый покров.
Что жас — скелетик — нас привлекало
За оградой вершин
И снегов?

Под киркой альпиниста могла,
Дальше ушла в сизой пыли.
Даже почта
Сюда не ходила,
Как же мы
Через горы прошли?
К этим башням,
На эти дужайки,
С ледяных
Спустившись высот,
Стеговым,
Домохозяйки
И писателю,
который не в счет.

II. ПАТАНИ

Здесь, за деревню,
Река металась по морю,
Металась по морю,
И вспять стремилась в море.

Здесь рыцарь вела перед мной
Среди простенков самах,
Пыла ржаной и осянкой
Макинон до замка.

Но все на улице кругом
Казалось мне знакомо:
Мост,
и кистини над мостом,
и на сапках солома.

А в башне
скот,
и сеновал,
и на полу ребята...

Все это я не раз видал
Давным-давно когда-то.

То было в давние года,
Когда, я сам не знаю,
И тоже вел я тогда,
Меча
Не покидая.

III. СВАНСКАЯ ЛУНА

Тетульда все башни перерос,
Он сыпал,
Сапала ламаи,
Как будто фосфорный мороз
Над сванскими дворами.

Он огонек тушил вной
На баше ли, в заречье.
Дышала, как сарай сеной,
В его лучах деревня.

Она серебряной была,
А по троне неровой
К воде спускались два вола,
Как с паперты церковной.

Щеглины острые свои
Влача за ним следом,
Из замка
Вышли две сваньи —
Подобны муравьям-д.

Медведь головку уронила —
Котятский,
Плюсский,
Валый,
Положим, он свисал с перла
Косматим одеалом.

Под ним
На глиняном полу
Узор чертила груша.

Всю ночь бродили по слесу
Скота и предков души.

И даже сам авролом
За речкой неболомно
Весь был завален серебром,
Как рыбьей
Чешуею.

IV. ПЕРВЫЕ МАШИНЫ

Лазурный мек крутых вершин
Был небосклон немором.
Пендадаты дивадылаи маши
Разнообразных марок.

Шуриша,
газу
и трубя,
саням,
волам на диво
они спускались
вдоль тебя,
Игур, подобный пияву.

Шоферы — городской народ —
Горели в гордых майках.
Лопух заросла в огород
На плюшевых дужайках.
Ручьи летели через нас,
Не расслышав ливнем.
Скала прогудела нам не раз
То челястою,
то бинием.

Искатель золота меж скал
Гремел скоровором,
Машином он руколескал
Над всеию водою.

К нам выходили мужики
В бешметах,
при кизилах.
Мы влоли исколоченной реки
Рейнт катали маньяк.

Мы пили брагу эдешних мест,
Забыв автотюбину
И фонтан
Шоферы наш отзеля.

V. ХЫБИНЫ

Мы взяли сорок саженей,
Скала смирилась предлагай,
А за ней
Другая.

Гранит тропинку завалил,
А за гранитом вот обрыв-то:
На перла,
На лифта!

Снега застыли на лету,
Ронить вершина не устала
В пустоту
Кристаллаи.

На камне трудно разобрать,
Линиями это или тепля,
И опять
Ступени.

О, сколько, сколько их кругом!
Как бы навален здесь без меры
Грузыный лом
Карея.

Как бы природа второпих
Нас не лускает, ставя гальбы,
Не крепя
И дыбом.

Мы беспощадны. Все равно
Взошли и смотрим со вниманием
На платно
В тумане.

Так это Имандра, она
Также же бросает взгляды:
Линиша
Пощадим.

НА ПЛЯЖЕ

РАССКАЗ

С песчаного пляжа, белой дугой скамьяминого бухты, Конг в первый раз увидел море и от избытка чувств замялся отчаянным анем. Неужели спокойно торпел, чтобы это синее-белое с шипением море не выкинуло его и не выбросило на нас неслыханно, и не выбросило на него самому? Под силу ли это коричневому эрдеатеру, с ланной, жесткой, как проволоча, мохнатой шерстью? Но Виала, его князь бог, запретила ему, и Конг удовлетворялся тем, что носился по твердому, еще валяному от прибой песку, преследуемый разгневанными Виалами.

Инженер Гроль, лениво шагавший по пляжу, увидел, что ереба отбегаете техникских кабинетов и пестрых плавок собака и ее светловолосый, загоревший восемнадцатилетний хозяин вызвали ладный переполох. В самом конце насаемого ярая, там, где, сваявсь с бесконечною, беленной темнотой неба, возникла даже косо-то недоразумение: наружная, повидному, чей-то покой. Виалам, как будто чечем раздосадованный, остановился, держа собаку за ошейник. Гроль поспешил к нему.

В кувальдах костюма люди не так уже резко отличаются друг от друга: различия между кастами и классами стираются. Голосы на драбках и словно поплинявших телках, отыскивая за долготу шум от наготы и побасенников в тонине под, колесных утканья одежд, кажутся другими, более выразительными.

В тени синей кабинки с оранжево-красным подосатом ворком сидел, сагска сутулясь, тучный мужчина с сигарой в руке.

— Это вап нес?—спокойно спросил он. Стоявшая подле него девочка лет десяти закусила нижнюю губу и невольно покусывающихся век бросала злобные взгляды на мальчугана и собаку.

— Нет,—отвечал Гроль приятным голосом, звуки которого рождались, казалось, в самой глубине его груди,—собака принадлежит мальчику, а вот мальчик действительно мой.

— Сядь, знаете ли, водить собак не разрешается. Собака пугала мор дичь, заставляла ее киваться и теперь топчет ее сапок,—настоящий продолжал сытый голос.

— Оттащичка его назад, Виалам,—сказала Гроль, рассмеявшись. — Вы совершенно правы, сударь, но пес вырвался, а потом Виалам оттащила Конга на несколько шгвов в сторону, подобрала совок и протянула его с легким поклоном владычицам.

Третьей в плавке была дружная молодая женщина курчавой красоты, и Гроль решил, что для матери девочки она, пожалуй, слишком молода, для воспитательницы—самимком очаровательна. Никто не взял из рук мальчика протянутого совка, и Виалам, накурившись, воткнула его перед девочкой в песок.

— Недоразумение, думаю, можно считать улаженным,—сказала, улыбувшись, Гроль,—в такую-то чудесную погоду!—и он улегся на песок, выткнув ноги и внимательно поглядел на враждебно настрелянную тройку.

— Я хочу застрелить эту собаку, папа,—решилась темным заявляла вдруг девочка,—она меня напугала.

Только теперь Гроль заметил на ее руке золотой браслет — трижды перпендикулярно зеленовато-желтой эмалью старинной работы.

— Этих людей смелую хорошо проучить. Я хочу сама спустить курок.

Гроль сделал успокаивающий знак мальчику, который с возмущенным видом притянула собаку поближе к себе. Двое взрослых в плавке били, кивали, хоронили знакомым с властным деспотизмом девочки. Но сам Гроль хладнокровно ожидал продолжения эспринтного разговора: в конце концов он сумеет заставить на пути истинный избалованную девочку, если господин с дорогой сигарой не решится на это, так как престелен дитя не выносит, повидному, никаких, даже вполне заслуженных наставлений.

— Никто не посмеет застрелить мою собаку,—сказала кулаки, угрожающе сжавя Виалам.

Но девочка не удостоила его даже и взглядом.

— Купи собаку у этих людей, папа. Вот моя золотая цепочка,—и, достав в глубине не плавки сумочку с замком-молнией, она действительно извлекла из нее нечто новое с золотым держателем и тоненькую тетрадку.

— Если ты ее не купишь, я швырну за ободом в ресторане на пол тетрадку с сумочкой. Ты же меня знаешь, папа.

Она говорила почти шопотом, а ее голубые глаза, в которых зеленоватым отблеском отсвечивало море, угрожающе и злобно глядели со стороны побасенного, похотлого легким загаром лица.

— Даю за собаку десять фунтов,—сказала тучный господин.

Гроль приподнялся на песок и без скрепящих ног. Он с любопытством ждал продолжения.

— Собака принадлежит не мне—вести переговоры вам придется с моим мальчиком. Он выросла ее для себя.

— С мальчиком мне говорить не о чем. Предлагаю пятнадцать фунтов—виоане приличная сумма за такую дрянь.

— Прекрасный случай испытать моего парвонца,—решила Гроль.

— Виалам,—как бы откинувшись на предложение, обратился он к сыну,—этот господин дает тебе пятнадцать фунтов старинных за Конга, за право застрелить собаку. На эти деньги ты мог бы купить вальсепен, о котором мечтаешь уже немало год. Сам я, к сожаленью, на скоро еще смогу позволить его тебе—мы недостаточно для этого богаты.

Виалам недоверчиво посмотрел на отца: говорил ли тот серьезно? Но на знакомом лице не было и тени шутки. Поаская в ответ свою руку на шею Конга, мальчик заявила отцу с улыбкой:

— Я не продам его, папа.

Господин в кувальдном трико с белыми, не успевшими еще загореть таласами шнуров, обратился к Гроль. Вопрос, очевидно, начал его задевать за живое.

— Уговорите же его! Я предлагаю двадцать фунтов.

— Двадцать фунтов,—сказала Гроль, повернувшись к Виалам,—на них ты сможешь купить себе вальсепен и лодочку, которой ты так восхищался недавно. Зеленой гичку, чтобы носиться по волнам, а для себя по сути—самый лучший вальсепен, с фонарем, с запасными камерами, никелированным сверху лонизу. Кое-что останется еще и на часы, Виалам. Для этого ты должен только отскребаешь от своего лица и передать цепочку в руки этому господину.

— А не успею я отойти и десяти шагов,— прерывательно заявила Виалла,— как Конг у него вырвется и будет снова поада меня.

— Преставная, изысканная левина раскрыла в первый раз спон очаровательные ламы губки.

— Ну, уж этому не бывать,— ножным и звонким голосом лукаво сказала она («Какое воспитательное создание,— получила Гроль») и вытаскала из своей сумочки миниатюрный браунинг, сверкавший серебряными инкрустациями.— Это оружие у него всякий раз к побегу.

— Довольно густо с ее стороны,— мысленно отметила Гроль.

— Собака чистокровная, породистая и прекрасно дрессированная,— сказала он вслух.

— Да, мы имели возможность убедиться в этом.

— Предложи пятьдесят фунтов, папа, и пусть будет конец.

— Пятьдесят фунтов,— повторила чуть дрогнувшим голосом Гроль, обращаясь к Виалле. («Это больше, чем стоит вес ниша лодки»,— подумала она.— Мать Виаллы могла бы оставаться здесь до полного выздоровления, если взять у него эти деньги взаймы. А так нам не по карману, санитарий обходится слишком дорого).

— Пятьдесят фунтов, Виалл. Велосипед, часы, папакет,— знаешь, коричневая палетка со шпуррами и кошачьи— и конечно у тебя останется еще, чтобы мама могла пожить в санатории. Все это, подумай только, за одну лишь собаку. В обществе покровительства животных, за папашу три шиллинга, мы получим другого Конга.

Но Виалла ответила тихо:

— Конг только один, и я его не продам.

— Предложи ему сто фунтов, папаша! И во что бы то ни стало хочу застрелить эту собаку.

Перед тем как сделать это предложение, толстая слезка закаблосалась.

— Сто фунтов,— прохрипела она.— Судя по всему, вам как будто не садоедово бы отказываться от небольшого состояния. — Совершенно верно, сударь,— сказала Гроль и с полной серьезностью обратилась к Виалле: — Мой мальчик! Сто фунтов, если положишь их на твои имя, обеспечат для тебя через десять лет возможность продолжать образование. Ты можешь, конечно, купить на них также маленький автомобиль, собственную машину, на которой будешь ездить в школу. Мальчишка только глава вытаращил. Ты сможешь возить маму на рынок. Целых сто фунтов только за собаку — это большие деньги!

Погрешенный серьезностью отповедного тона, Виалла сморщила лицо, чтобы заплакать. В конце концов он был всего лишь восемнадцатилетним мальчуганом и должен был пожевать своей любимой собакой.

— Но ведь я люблю Конга, а Конг любит меня,— объявляя сардонская слезы, воскликнула она.— И я отдам его за сто фунтов!

— За сто фунтов! Да уговорите же его, сударь! Ведь лодка устроит мне настоящий ад. Вы и представлять себе не можете, что в состоянии сделать с человеком подобная девина.

— Ну, я бы хорошо ее проучил: срыва и сава по ножным шпечкам,— подумала Гроль, в полутьме отбросив сава, который, нахмурившись, натался удерживать слезы, он повторил то же самое вслух, повторил громко и спокойно: — Полагаю, что вопрос тем самым исчерпан.

Виалла вздохнула, смахнула украдкой две слезинки, делая вид, что сморкается, бросила на песок рядом с Конгом, дернула его черз себя и принялась с ним бороться. Коричневые мохнатые лапы животного весело перепрыгивали со светлыми и тонкими ругами мальчишки.

Издавая донеся гулком прирастающего к молу парохода.

Перевод с немецкого
Р. ГУРОВИЧ

К БЕРЕГАМ Суры

Я учусь в городе Кузнецке, а моя семья— отец, мать, брат и сестра— живет за несколько сот километров, в колхозе Пензенской области. Там у нас ближайшая средняя школа только за десять километров— каждый день пришлось бы ехать по двадцать километров. Вот и я ушла «за тридевять земель», к дяде, чтобы быть поближе к школе!

Тут я уже во всем привыкла и ко мне привыкли, а первое время, когда и только повышался в восьмом классе в своем широком детском платье, некоторые девочки поглядывали на меня, как будто и с душой завязались. Они принимали друг и друга за семь лет, и новенькая их удивила и своим видом и манерами. Вид и манеры как будто с тех пор не изменились, но отношения совсем другие. У меня есть хорошие друзья и товарищи, недавно меня выбрали комсомольским группом. Но как ни хорошо тут, меня тянет в родные места. Особенно когда приближаются каникулы. Сяду над альбомом или фанкой, а сама думаю: «Как там развилась наша Сура? Колхозники уже, наверное, в поле выехали, а лодчат давно поблелись по колхозным делянкам и работают там без меня...»

Как только слух последний размаха, так на станцию, заказывая билет и—домой, в деревню!

Вся наша деревня—одна улица, дома стоят друг против друга. С одной стороны деревни широкая Сура, с другой—поле и лес. От станции далеко. У нас в деревне есть люди, которые ни разу не поезда не видели. Трактор хорошо знают, он привычен, как лошадь.

Последний раз я ездила в колхоз на зимние каникулы. Вышла из поезда—бурав, метет, врывается, все бело, в дух ничего не видно; села в сан— колхозного хвоста не видно. Теперь приеду— все бу-

дет зелено, тепло, дойду до дому пешком, и понутики мне не нужны.

Но знаю, в какое время я поеду этим летом. Выбрать уж не придется: я приеду в самый разгар работы, куда пошлют, так и буду. В прошлом году и работала на колхозе. Наше время было лучшим в колхозе. Мы подкармливали колхозно удобрениями, и потом дачата искали мне (я уехала до уборки урожая), что на ману колхозе весь колхоз удивлялся— такая получилась мысовая и сильная.

Но знаю, где придется работать в этом году. Не для меня это не так важно, я всю колхозную работу знаю: сено убирала, пошла, косила, лава, поливала овощи, ходила за сеном, работала в детских колхозах. Хватается тут особенно нечем: все колхозные девчата умеют это делать.

Похрути жду меня. Пишут, чтобы обязательно привезла какие-нибудь вещи. Каждый год мы устраиваем для колхозников спектакли. Клуб в нашем колхозе небольшой, и мест всегда не хватает; кто придет пораньше,— сидит на скамейке, остальные стоят. Первые люди просто на полу устраиваются, вилитую к сцене, а те, кому уж никакого места не осталось, пристраиваются к окнам: ложат в клуб, туповеще на улице.

Все в спектаклях мы мастера сами и костюмы, и декорации, и грим. Мы ставили «Свои люди сощесом», все четыре действия полностью. Зрители сидели, боясь пошевелиться, и даже в антрактах никто не выходило, чтобы не потерять своего места. Я играю старуху Фоминичну. Не люблю играть старух, но больше никто не соглашался, пришлось мне.

В этом году тоже что-нибудь поставим. Девчата меня ждут, и я сама стремлюсь туда. Я уже представляю себе, как это будет: как я приеду, а вечером после работы соберутся в нашем маленьком доме все девушки и ребята, и мне до поздней ночи не придется тут засыпать. Они будут спрашивать, а сама не ответит ни на один мой вопрос: кто, мол, у нас тут может случиться, все по-старому! И только на следующий день я узнаю все новости. А утром вместе с подружками отправляюсь на работу, а вечером, как всегда, соберемся в клубе, комсомольцы и все остальные молодежь. Комсомольцы у нас немного, девушек из них— всего три. Наверное, в этом году прибавится.

И достаю теперь веселую, где только могу, книги по агротехнике. Наш колхоз в этом отношении очень отсталый, работает отсталыми. Думаю, нам, комсомольцам, удастся сделать что-нибудь, чтобы новыть урожай.

Маруся КУНИЦЫНА

1-я школа, г. Кузнецко,
Московской области.

Книго
смены

О самом главном

Продолжение разговора, начатого в 5-м номере журнала

ПУТЬ В ЖИЗНЬ

Весной я была на собрании старшеклассников Ленинского района, где выступал Михаил Иванович Калинин.

Он стоял на трибуне перед микрофоном, как обычно стоит докладчик, потом сел с трибуны и стал говорить с нами уже без помощи микрофона. Он говорил негромко, без выраженных улыбок. В зале было больше трех тысяч человек, но мне казалось, что он говорит именно со мной. Тоней Чистяковой, говорит о том, о чем я сама много раз думала.

Потому, когда сейчас я решила написать ответ Лене Назаровой, поговорить со самым главным, я не могу не вспомнить того, что говорил «мне» Михаил Иванович.

Он говорил о фантазии, о том, что надо уметь фантазировать.

Действительно, что такое человек без фантазии? Сухарь, который будет делать только то, что ему положено, который ничего не изобретет, так как для каждого, даже самого маленького изобретения нужна фантазия.

Среди моих товарищей по классу я заметила, не знаю ни одного, кто бы не фантазировал. Фантазируют о том, какой будет жизнь на земле через несколько лет и что сделает каждый для того, чтобы жизнь эта стала лучше все лучше. Никому из нас не хочется быть «обыкновенным» человеком. Каждый собирается изобрести что-нибудь необычайное, сделать невиданное. Я ввязалась в бесполое фантазирование или эгоистическую жажду славы. Нет, просто каждому, какой бы путь в жизни он для себя ни избирал, хочется быть в своей области передовым человеком. Моя подруга Дора Немирская решила быть педагогом. Конечно, она не представляет себе, что будет «просто педагогом». Она хочет быть педагогом «необыкновенным», педагогом, который откроет новые пути в воспитании молодого поколения.

А тот из нас, кто решил быть летчиком, тоже хочет быть не просто летчиком, а летчиком удивительным; может быть, думает он, он-то и будет тем самым, который облетит «вокруг шарика»... И так все.

Я согласна с Леной: дело не только в том, чтобы выбрать профессию, не только в решении того, что будешь делать, но и в том, что будешь для себя главным. Когда Михаил Иванович рассказывал нам немножко о своей жизни, я увидела: он уже в юности твердо решил, что для него главное; он неуклюже шел по этому пути вперед, и ничто не могло его сбивать в сторону. Такой силой быть и я.

Я давно решила для себя, что я буду делать. Я выбрала профессию геолога-разведчика. Меня привлекало это, я люблю бродить по земле. Мне нравится походить заодно и хотеть увидеть то, что до меня никто не видел, угадывать, что таится в недрах земли, добывать из земли то, что нужно человеку. Мне говорит: «Тебя привлекает романтика бродячего ты видишь трудностей: для девушки геолог-разведчик особенно трудно». Нет, я сознательно выбрала для себя этот путь, а что касается трудностей, то пусть они сыплются на меня со всех сторон, они мне не сделают. Мне кажется, чем трудней, тем лучше. Конечно, пока это только слово, но я почему-то не сомневаюсь, что так оно и будет. Последние речи Михаила Ивановича о том, что больше укрепилась в своем решении. Он, правда, ничего о профессии геолога не говорил. Дело не в этом. Я видела перед собой человека твердого и непреклонного, который

«Подруги».

шел вперед, не сгибая головы перед трудностями и опасностями. Надо быть таким. Я не сравнима, конечно, жизни революционер-подпольщика с моей жизнью, жизнью будущего геолога, исследующего родину страну, но подхожу к жизни, оплодотворенной трудностями и хочу учиться у старых большевиков.

Второе, о чем я хотела сказать, — это физкультура.

Есть у нас ребята, которые не могут достичь своей заветной мечты из-за того, что всю свою жизнь с пренебрежением относились к физкультуре. В результате сейчас у них атрофированы мускулы, они быстро устают. Одна из девушек хочет вместе со мной пойти в геолог-

разведочный институт. Но достаточно посмотреть на нее, чтобы убедиться: она и для нас сможет провести в тайге.

Так из-за «пустяка», как говорят ребята, приходится менять направление жизни. Бьют в том, что многие ребята считают, что физкультура существует для собственного удовольствия, будут у них крепкие мускулы или кистель — это их личное дело. Неверно! Все мы обязаны быть крепкими и здоровыми для того, чтобы выполнять то, чего ждет от нас наша страна.

ТОНА ЧИСТЯКОВА

Москва.

КРУШЕНИЕ АВТОРИТЕТА

Я не помню, когда я начал думать о самом главном: о цели своей жизни, о том, что я буду делать, и сейчас мне кажется, что эти мысли были у меня всегда, даже в раннем детстве. Наверное, это все же не так.

Стыла Лена Назаровой и один недавний разговор как-то подтолкнул меня в этом направлении и заставил думать до конца то, что в неопределенных очертянках бродило в моей голове.

Стыла Лена Назаровой я пересказывать не буду: ее читали, вероятно, — а о разговоре расскажу.

Разговор этот происходил между мной и студентом последнего курса одного из московских институтов.

Этот студент — мой давний знакомый и друг. Он старше меня почти на десять лет, но «десять лет» разницы это пустяки», как сказал Багряцкий.

В своем институте студент это пользуется всеобщим уважением и симпатией. Я это понимаю, так как сам с детства испытывал к нему влечение, любил бывать с ним, разговаривать, спорить. Впрочем, это и споры, споры почти не бывало: он всегда так сноглагольно и убедительно доказывал, что мне ничего не оставалось, как согласиться с ним. Он всегда играл в моей жизни большую роль. Еще когда я был пионером, и ходил к нему советоваться по всяким отрядным делам и даже приводил к нему ребят: он всегда разрешал все запутанные истории. И все с ним соглашался. Даже такие загладе учиримы, каким был я когда-то.

Много было разных историй со мной, и он неизменно принимал в них участие и направлял меня на путь истины.

Когда я прочитал письмо Лены Назаровой, я решил написать в редакцию «Смены» и о своих мыслях. Написал, и захотелось поговорить с ним, со своим старшим другом. Захватил статью Назаровой и свою и пошел к нему. Постучался.

— Войдите.

Он сидел за столом, как всегда заваленном книгами. Я уселся на полочку и начал жаловаться, пока он кончат. У меня с ним была такая уговор — не мешать.

Наконец, он кончил.

— Ну, что, — говорит, — просто так или твои идеи необъяснимые?

Я ему стал выкладывать все. Он промолчал статью Лены Назаровой, потом мою и говорит: — Эх ты, несправный романтик. Смрти, она, по крайней мере, пишет, что нельзя недооценивать материально-бытовых условий. А ты...

И он стал читать выдержки из моей статьи. Я писал о том, что решил пойти учиться в медицинское институте и что мне все равно, куда меня пошлет работать потом. Что чем тяжелее будут условия, тем лучше, пусть меня пошлет на Дальний Север — вдалеке стоибища, или в Киргизию в какие-то районы, куда можно добраться только самолетом или на верблюдах. Пусть я буду далеко от своих родных и товарищей, ничего! Меня не страшит трудность, потому что я знаю, что главное в моей жизни. Дальше я писал об идее, которая вдохновляет меня, как вдохновляла она десятки поколений революционеров и заставляла их испытывать величайшие трудности в жизни, и не сбиваться, и упорно идти вперед и вперед...

Он читал эти мои слова и сопровождал их своими комментариями. Из них видно, что я великий мечтатель и романтик, что надо быть трезвым в решении своей судьбы, что нечто возвращается на трудность. Наоборот, лучше всего, если после окончания вуза я сумее устроиться где-нибудь при институте же каким-нибудь научным сотрудником. И надо думать на эту ставку с самого же начала.

Он так же спокойно и деловито, как всегда, излагал свои мысли: «Нет, мой, никакой необходимости лезть на рожи. Научные работники очень нужны, и ты не изменишь своей идее, если будешь в Киргизии, а не на то, чтобы ехать куда-то в глушь, где нет театров, которые ты так любишь, где нет трамвая и метро».

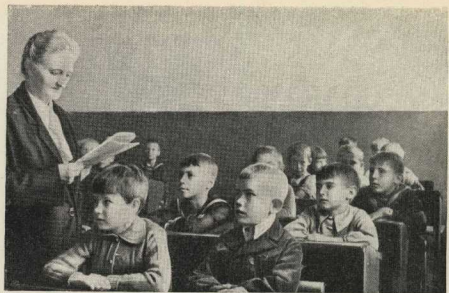
Я молчал, и он думал, вероятно, что с ним согласен. Но я молчал от злости, от досады, оттого, что я не находил достаточно сильных слов, чтобы сказать ему, как я презираю его. За эти его поучения, за то, что я так долго объяснялся в нем, считая, что он вполне понимает смысл и преданность своему долгу. А он выше всего ставит личное благоустройство, а все остальное — «достойно посылать!» Он меня поучает тому, что для него самое, очевидно, является программой жизни.

Я не смог ему высказать все это спокойно и деловито, да и не хотел об этом. Но он понял, что я хотел сказать...

Я согласен с тобой, Лена Назарова, что главное не может быть узким или однообразием. Нельзя ставить себе какие-то научным сотрудником института, чтобы меня не послали туда, где нет театров, метро и трамвая. Это не то — это — умное, женственное желание человека, имеющего с высокой целью советского человека — борда за коммунизм.

Москва.

Владимир ХАРИТОНОВ

Минице годин занимается Анна Ивановна Колецакая своим любимым делом — преподаванием. В этом смысле ее жизни, это — ее призвание. На снимке: заслуженный учитель РСФСР Анна Ивановна Колецакая в своем классе (7-я средняя школа города Калининна).

Фото Г. Чанова

А. АЛМАЗОВА, учительница 114-й московской школы.

ПОГОВОРИМ О ПРИЗВАНИИ

Счастливей человек, который нашел свое призвание, открыл, к чему стремится душа его, какому делу он должен отдать все силы своего ума и характера!

Но как найти его, это призвание? Где признать оно? За какими семью печатями скрыто от человека? В каком направлении идти, чтобы отыскать его?

Мое глубокое убеждение, что нет человека без призвания. У каждого, даже самого обычного на первый взгляд человека есть своя талант, и все глупца в том, чтобы открыть, найти этот талант.

Поиски эти обычно начинаются на десятом году школьной жизни. Десятиклассники ищут свои таланты в проспектах вузов, в газетных статьях. Иной раз, когда десятиклассник слушает блестящую речь студента или профессора, пришедшего в школу рассказать о своем институте, ему кажется — inilah! Вот оно, мое призвание, вот она моя дорога в жизни! А в действительности, может статься, и не вышел: засиял отраженным светом, а своего огня тут нет.

— Куда идти, что выбрать? — спрашивают ребята.

Мы вместе думаем, взвешиваем, решаем. Но иногда мои советы напоминают ответы Панталарофа на вопрос Папурга, жениться ему или не жениться.

— Я хочу пойти в медицинский. Как вы думаете?

- Ну, что ж, хорошее дело, идеальное.
- А куда и разокораруюсь?
- Тогда не идите.
- Но мне все-таки хочется.
- Идите.
- Но я не уверена, что медицина — самое интересное. Может, не ходять?
- Тогда не ходите.
- А мне все же хочется.

Этот разговор, как и у Рабле, может занять несколько страниц. Но в самом деле, что посоветуешь человеку, который сам не знает, чего он хочет, как рискнешь уговорять его выбрать тот или иной путь, если он сам да-

же приблизительно не знает, чего ему держаться, и лучше всего бытис разочарования. Это очень обидно. Но, к сожалению, так бывает: молодой человек, пробывший в школе десять лет, достигший совершеннейшего, не определил, куда его влечет, что он хочет делать в жизни.

Призвание редко лежит на поверхности, на виду. Нельзя предказать ребенку: быть тебе инженером, столяром, педагогом, моряком, биологом. Призвание, обнаруженное в детстве и ставшее делом жизни, — нечастое явление. Большинство людей должно искать свое призвание, именно искать. Искать с упорством и терпеливостью. Искать, а не жалеть, что вот-вот оно само выйдет и осветит, как поэта вдохновение. Но даже вдохновение не приходит само по себе, если его не ищешь и не заставляешь явиться, а что уж говорить о призвании!

Многие старшиклассники, выбирая себе профессию, имеют весьма приблизительное представление о различных отраслях науки и техники, о различных профессиях.

— Геолог! А, это те, которые ходят с молотками и камешки собирают. Астрономы? Ну, это ясны: они смотрят в телескопы.

Прошу извинить за этот незальный шарж. Но, честное слово, это выглядит почти так. Не мудрено, что кое-кто становится астрономом только потому, что он любит крутить в море. Факт анекдотический, но, тем не менее, факт.

Нельзя считать выбор профессии чистого личным делом. Найти именно то дело, которое соответствует твоим способностям, нужно не только потому, что иначе ты не получишь удовлетворения от работы, а и потому, что, найдя свое призвание, ты больше дань своей стране.

Молодой человек, ученик советской школы, обязан знать, чего он хочет и то, что лучше всего может делать. Именно об этом. Его трагический дод — давать максимум того, что он может дать. Значит, человек еще на школьной скамье должен найти себя или, во всяком случае, искать. Искать активно, жално. Старты больше увидеть, глубже смот-

реть, знакомится с различными отраслями науки и техники во время учебы, в самой жизни самому пробовать применить свои знания, проверить свои способности.

Как же искать свое призвание? Хотелось бы мне дать на это точный и конкретный ответ, рекомендую рецепт, который равно годится бы для всех, но, думаю я, такого рецепта нет в природе. Каждый идет к своему призванию своим путем, и часто этот путь годится только для него одного. Однако кое-что все-таки посоветовать хочется. Мне думается, что каждый должен еще в школе превратить, к чему его влечет. Вот и пример, который годится только человеку увлекающемуся биологией. Менделеев и решил: буду химиком. Но, скажу я такому молодому человеку, проверьте все же, что увлекало вас: биология или успех ученого или сама наука? Если первое, то такой выбор мне кажется случайностью. С таким же успехом можно прочитать об Иване Петровиче Павлове и захотеть стать физиологом или об отважном капитане Борозине и выбрать профессию моряка.

Глубоко разочарование может постигнуть человека, увлеченного только внешностью, когда он становится с необходимостью ученом и в настоящее овладевая выбранной профессией. Поэтому я говорю: Решал стать химиком? Хорошо, Теперь проверь самого себя, насколько глубоко интерес и сильно влечение к этой науке.

Переходя за рамки школьной программы, читайте литературу, которая не входит в список обязательной. Показываются с новыми достижениями химии, с проблемами, которые стоят перед ней в наше время. Практические работы над тем или другим вопросом, походы в лабораторию, только после этого работа ты увидишь, слушай ли твой выбор или сомневаешься.

То же самое скажу и молодому человеку, который решил выбрать профессию агронома, только потому, что где-то когда-то что-то от кого-то слышал о ней.

Правда, часто бывает, что настоящий интерес к делу появляется уже после того, как выбор сделан, если даже французская поговорка: «Англет приходит во время еды». Ничего удивительного в этом нет, каждая профессия по-своему увлекает, и человек, только не знаящий, его и хочет, может открыться красоте своей случайно избранной профессии, если добровольно начнет изучать ее.

Но несмотря на такой, вполне естественный и счастливый исход, из сознательной, а не случайный выбор. Иными словами, за то, чтобы каждый школьник старался найти свое призвание и еще в школе готовить себя к своей будущей профессии.

Найти призвание — это много, но это — еще не все. Я знаю одного способного, даже талантливого человека, который правильно определил: свои способности и стал тем, кому должен был стать. К моему удивлению и огорчению, он не дал того, чего от него ждали, он сделал меньше, чем обещал. Почему? У него была слабая воля и характер, смиряющийся перед неудачами вместо того, чтобы покорять их. Таким он был в школе, таким он остался в жизни. Так человек с блестящими способностями стал посредственным работником.

В «Клубе СМЕНИ»

Мы уже сообщали, что при ревлянии открылся «Клуб Смены». Три раза в месяц, по субботам, собирается читательский журнал «Смена» в своем клубе.

На один из таких вечеров приезжал Ираклий Ауэрбекович Андроников. Его рассказ о том, как он открывает новые документы для биографии Дормонтова, слушался с таким интересом, что беседа затянулась допоздна.

Доказал журналиста Исаака Израилевича Ермашева о последних международных событиях тоже вызвал больш

У американцев есть хорошее выражение — «слова, которые сам себя слышат». Там кто имеет на то значение, как-то и хочет выложить в это выражение. Там этот «удовольствие себя слышать» — предприниматель, человек, пробившийся сквозь все волнопреломления капиталистического мира, избежавший острых зубов встречных бойцовиков и сам ставший хищником.

Я хочу употребить это удачное выражение в ином смысле. Человек может сделать себя сам: он может издать себя от своего характера — от слабости, если — и может прийти к себе трудолюбие, настойчивость, энергию, упорство в достижении цели. Характер есть, но это не есть нечто раз навсегда данное. Я очень уважаю тех моих учеников, которые сознательно меняют свой характер, воспитывают в себе черты, необходимые советскому человеку. Таков Павел Пичугов. Он окончил школу в приходном году, теперь в Красной Армии. В школе он много и серьезно работал — учился, общественные дела (он был председателем школьного комитета), кроме того он занимался в арто клубе, и там, кажется, тоже охляло. Как он заставил себя работать! Он не позволял себе ни малейшего послабления, ни одного несприятельского момента, ни одного невыполненного задания. Он никогда не был сучаром, которому немалого стоит отказаться от жизненных удовольствий, но его законом было и а д о. Здесь я сделаю небольшое отступление. Когда мне было восемнадцать лет я учился в институте, мне, как и многим другим студентам, приходилось давать уроки. Как-то мне пригласили в семью Котеных. Котеных были известные петроградские комбиняки. Они жили на Невском проспекте, в громадной, пыльной убранный квартире. Младш Котеных видел, что-то слышала обо мне и пригласила меня репетиторствовать ее сына, отстающего по математике и по немецкому.

— Может быть, вы уделите справится с ним,— сказала дородная мамаша Котеных,— до свидания, но вам все студенты ходили, но никто не выдерживал. Вы все-таки барышня, можете, он постесняется.

Я вошла в комнату, как в клетку льва. Котеных-сын, малый лет тринадцати, раз в полтора часа, а чаще меня, шаргал похрюки и начался учение. По условию, мы должны были заниматься полтора часа. Минут через пятнадцать после начала урока мой ученик переворачивал свой стул и усаживался за стол, стараясь сохранить равновесие. Так он балансировал довольно долго. Потом встало, надоело, и он сел по-человечески. Последнее, конечно, вдруг свалился чернильнику и опрокинул ее на письменный стол. Пришлось отодвинуть книги, вытереть стол. Покуда все это продолжалось, истекли полтора часа, предначинанные для учения.

— Ну вот и познайманься,— с удовлетворением произнес мой ученик.— Теперь и отдохнуть можно.

Все действия этого молодого человека моментально отразились в кустеровах: «хочу и еще хочу». Других слов для объяснения поступков не существовало.

— Ответьте, пожалуйста, заданное.

— Не хочу.

Во мне вслепую такое бешенство, что я и испуганно и ударила бы себя, что я

Но я в итоге усилие и холодно спрашиваю: — Почему?

— Не хочу, да и все. Лень.

На буду рассказывать о том, как я уронила молодого комбиняка,— не об этом сейчас речь. Но до сих пор слова «еще хочу» означают у меня чувство, подобное тому, какое я испытала в роскошных комнатах Котеных. «Еще хочу» — это символически для меня жажда, тупость, самоодиночество, ограниченность.

Когда ученица десятого класса говорит: «Я не останусь на собрание, не хочу» — я вижу черты Котеных. Когда ученик на собрании вдруг замолкает: «Не выбирайте меня в учком, не хочу» — я вспоминаю Котенку. Когда молодой специалист в ответ на предложение ехать на работу за пределы родного города говорит: «Не хочу» — это символически для меня жажда, тупость, самоодиночество, ограниченность.

Воспитать свою волю, свой характер — значит перлом делом волею «хочу» и еще «хочу» поставить «яблоко». И что это будет органическим, а не навязкой. Я знаю людей, которые внешне выполняют все, что полагают, но внутренне дисциплины нет.

Какой бы ни был избран путь, каково бы ни было призвание человека, он достигнет вершин только в том случае, если будет упорен в своем стремлении и цели, если пригнет себя не склонит головы перед трудностями, а побеждает их, если будет всегда и во всем руководствоваться не личным своим желанием, а общественным долгом.

Фото И. Ауртуева

Приятно убедиться, что труды твои не пропали даром. Хороши озимые хлеба в орденском совхозе имени Шевченко! На снимке: директор этого совхоза орденской Ж. Федотова Врж и старший авиаремонтник Платон Петрович Каменный (Новокозлевская область).

шой интерес у читателей «Смены», и в клуб в этот вечер пришло около трехсот человек.

Многие школьники принимают активное участие в работе клуба. Недавно избран совет «Клуба Смены», который будет заниматься организацией вечеров. В совет вошли учащиеся семи московских школ: Евгения Генкина (школа № 100), Андрей Донатов (школа № 120), Лариса Захарова (школа № 29), Лина Карпузи (школа № 213), Марк Левин (школа № 170), Иосиф Рубанов (школа № 273) и Иосиф Якобсон (школа № 124).

«Клуб Смены» будет работать и во время летних каникул.

А. Демина (слева) и И. Степанченко.

ЕДИНОБОРСТВО

В. ВИКТОРОВ

Стадион был пуст, но они не замечали этого. Они не замечали трибун, разграфленных рядами пустых скамей, и только в глазах рбояло до цифр. В абсолютнейший момент они выскочили из цифр, выскочивших черной масляной краской на серых скамьях. Но сейчас, утром, стадион был пуст. Они выскочили на дорожку, выскочив, только что полутьма, и не замечали никого, кроме друг друга. Они разминались рядом, и Степанченко чувствовал, что бежится легко. Он дал несколько

ускорений, чуть-чуть искося по-смаывая на Демину: сколько же ему надо прибавить, чтобы не отстать?

Спокойно и легко бежали они рядом, и цифры на скамьях то всплывали на солнце, то угасали. Демин впервые увидел этого легкого высокого юношу два года тому назад на старте. Юноша подошел и сказал, встряхивая своим длинным чубом: — Товарищ Демин, уступите мне ямки.

Демин сначала не понял, о какой

ямок идет речь, но юноша так же просто пояснил:

— Мне места в забеге не хватило, уступите.

И Демин понял, что речь идет о стартовых ямках, только что старательно вымытых им для себя. Это был финальный забег, в котором должны были встретиться сильнейшие барьеристы. И все же он уступил свое место. Вместо него на старте приготовился к бегу легкий и сложный молодой атлет. Чуб закрыв ему глаза, кося он, наклонив голову, жал командой стартера. А потом юноша легко пролетел через барьеры и отстал от победителя всего на одну десятую секунды. Это был будущий рекордмен в барьерном беге Иван Степанченко, во прозванку Ваню.

Так они познакомились, так они подружались, двадцатилетний Ваню и тридцатилетний Демин, именитый победитель.

Каждый сезон, вот уже много лет подряд, выигрывал Демин на первенстве страны голубую ленту легкой атлетики, как зовут десятиборье в современном спорте. Казалось, годы жизни не могли изменить в этой деминской традиции победитель. Из года в год он был первым, и побеждать стало для него такой же привычкой, как по утрам делать гимнастику. Это убеждало Демина, что молодость все еще рядом с ним.

И все же сейчас Демин не был уверен в победе. Больше того, он знал, что должен проиграть. Он знал график Степанченко, и показатели этого графика превышали его отметки почти по всем видам десятиборья. Ему известно, что эти показатели должны привести молодому атлету новый рекорд, равный своим тысячам очков.

Он должен проиграть, но Демин не собирался уступать первенство так же легко, как стартовые ямки.

Он стоит на траве и смотрит, как Степанченко повис, готовится к старту. Откуда берется сила у этого юноши для того, чтобы выскочить на своих ношей широких планках всю тяжесть десятиборья?

Демин видел, как на дорожку вышел стартер, держа в руке пистолет, как там, в конце прямой, проуливая белую ленточку, как Степанченко обтер вымытые в земле руки и осторожно ступил шаржеры, чтобы не задеть материю шпана. Сейчас начнется! И когда бегуны присели на кор-

точку, Демин вместе с ними атаковал воздух и почувствовал кончиками пальцев влажную желтую дорожку...

Он стоял на траве и жал, заставив дышать, выстрела. И выстрел прогремел, бегуны сорвались и повелись, все больше и больше растягивая шаг. Демин видел, сколько силы вкладывает в бег Степанченко. Рынок, волнистым изгибом мелькнула лента...

Бегуны следующего забега встали на дорожку. Стенки стартовых ямок осыпались, и Демин старательно начал перекашивать землю. Но почему же молчит радио?

Наконец раздается долгожданное шуршание микрофона: — Степанченко прошел 100 метров в 11,2 секунды!

Словно фанаты победом развевается эти цифры над стадионом.

Это первая удача Степанченко. Уже до старта Демин потерял поражение. По своим расчетам, Демин должен был пробегать 100 метров за это время и выиграть у Ваню три десятых. Значит, сейчас надо добиться невозможного: пройти 100 метров в 10,9 секунды.

Когда выстрел сорвал Демина с места, он ничего не чувствовал, кроме одного: желания побить Степанченко всего на три десятых, на целых три десятых. Вот он унес на своей груди ленточку финиша и, тяжело дыша, слышит, как над трибунами звучат новые цифры, его цифры: — 11,1 секунды.

Они сходятся у судейского стола и идут вместе на другой край стадиона. Они идут несная, молча, и Демин старается не смотреть на серые скамьи трибун.

Их ждут прыжки в длину с разбега. Разбежаться, выместить в воздух и опуститься как можно дальше — вот все, что от них требуется. Если бы можно было немного отдалиться, полететь на траву, прислушавшись, как возвращается легкость, прозрачность, свежесть! Но у десятиборья свои железные законы, и атлеты один за другим начинают разбег.

После трех попыток лучший прыжок Степанченко равнялся 6 метрам 75 сантиметрам. Демин отстал на 21 сантиметр.

Снова неудача! Сколько раз на тренировках Демину легко уда-

Разбежаться, вылететь в воздух и опуститься как можно дальше — вот все, что требуется.

...Степанченко, присев, готовится к старту. Фото В. Захарова.

валось пролетать 6 метров 70 сантиметров. А вот сейчас его усилит титаник...

Третий номер действительности. Час тому назад они были бегунами, только что — прыгунами, сейчас они должны стать метателями.

Многоборец — это атлет, который умеет делать все. Он обладает взрывчатой силой спринтера, мощью метателя, чудесной легкостью прыгуна.

Холодное чугунное ядро легко в горячую ладонь Ивана Степанченка. Ему хорошо знакома эта полновесная тяжесть металла. Всю зиму он разивал в себе силу. Все

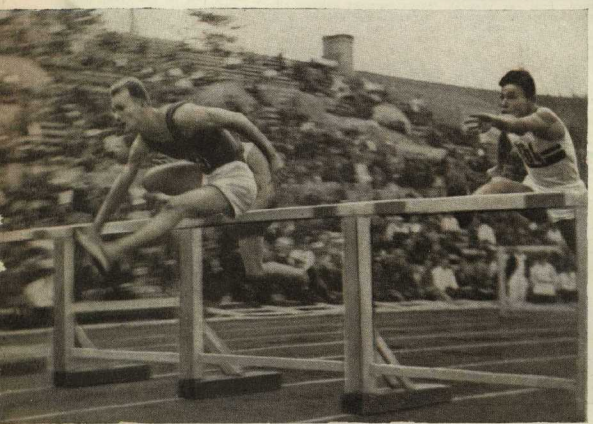
4 Спринтер — бегун на коротких дистанциях.

зимой он гремел штангами в зале тяжелой атлетики. И он добился успеха: ядро раз от разу летело все дальше и дальше — за 13 метров. А сейчас, войдя в круг, Степанченко вдруг растерялся. Ядро влетело в воздух и тут же плюхнулось на землю.

Его похвалил Демин. Все свои силы он вложил в толчок и толка сорвался. Еще одна попытка не дала успеха ни тому, ни другому. Когда в третий раз Степанченко вошел в круг, он почувствовал, как у него дрожат ноги. Теперь ничего нельзя изменить: лучший результат — 11 метров 64 сантиметра. Так плохо он еще никогда не толкал. В последний раз взял ядро Демин.

С первой же попытки Демин прыгнул 3 метра 90 сантиметров.

Вано прошел 110 метров за 15,4 секунды. Разгром был неизбежен.

Его результат — 12 метров 28 сантиметров.

«Надо выиграть этот первый день», — подумал Демин. Первый день — деминский, второй — степанченковский. Это же известно каждому. Завтра Вано выложит свои главные козыри: барьерный бег, прыжок с шестом, бег на 1500 метров...

Для того чтобы выиграть первый день, Демину надо было прыгнуть в высоту 175 сантиметров, пробежать 400 метров в 50 секунд.

Когда в 4 часа для многоборца снова вышли на стадион, начался дождик. Друзья принесли им из общежития одеда, и они, голодные, разгуливали вокруг рейки, как зайцы.

Прыжки начались с высоты 150 сантиметров. Затем рейку подняли на 160, потом еще на 5 сантиметров. Наконец была объявлена высота 170. И Демин не смог преодолеть этой высоты. Ничего он не мог поделать со своим телом, стиснутым в ужасном напряжении. Рейка три раза летела вниз. Демин оттолкнулся и смотрел, как прыгает

Фотографии Н. Волкова.

Степанчиков. Сброва одела, Степанчиков вышел на дорожку и прыгнул. Он взял высоту 175. Ему поставили 175.

Все шло куварком. Там, на дорожке, должен был стоять Демин. Это была его высота, хорошо освоенная, нужная ему, как воздух, но на дорожке стоял его противник. И не си, Демин, а Ваню легко и красиво вылетел в воздух и перешел рейку, даже не зацепив ее.

Демин взглянул на трибуны. Перед его глазами асынувала шифра: 10. Он проговорил Степанчикову в первый же день десять омов.

Остался забег на 400 метров. Надо выложить все в этой трудной дистанции, где требуется скорость спринтера и выносливость средняка. Но этот забег не принес облегчения: он был точным повторением стометровки. Ваню провзвал, а, по существу, выиграл. Он пробежал дистанцию в прекрасное время—53,4 секунды. Демин в следующем забеге ускорился только в 32 секунды. И когда эти цифры огласил радиодиктор, Демин понял, что это конец. Не имело смысла звать выходить на дорожку. Не имело никакого смысла продолжать борьбу. С этой мыслью Демин направился к судьям. Сейчас он поойдет и скажет: «Баха, я скожу. Он подовел и спросил: «Когда завтра начают?»

...Утром, когда они пришли на стадион, барьеры уже были расставлены. Ваню провзвал 110 метров за 15,4 секунды. Разгром был неизбежен.

Демин стал на старт вместе со своими товарищами по забегу. Он прошел дистанцию в 16,5 секунды. Теперь уже 16,4 секунды отделили его от лидера. Никто больше не сомневался в победе молодого десятиборья.

Они метали диск. Степанчиков не вылетел. Диск вылетел из его рук без траектории, а дальность 32 метров 77 сантиметров от его метания не достиг.

«Может, догоню», — подумал Демин и сам себе улыбнулся.

— Средняки-бегу на средние дистанции.

Он раскрутился, амакнула рукой, и диск, словно гоубу, полетел вперед 38 метров! Но судьи не засчитали результата: Демин во время броска вышел за сектор. Еще раз влетел диск: 33 метра 63 сантиметра.

Последняя попытка. Если бы оторвался хотя бы на 5 метров! Но диск выскользнул из руки и пахнуло невдалеке.

А их уже ждали бамбуковые шеста и рейка, установленная на высоте 3 метра 40 сантиметров. На что здесь мог рассчитывать Демин? В дни своего расцвета он брал высоту 3 метра 70 сантиметров, а Степанчиков легко берет 3 метра 80 сантиметров.

Высоту 3 метра 40 сантиметров прыгнул взял легко.

Поставил 3 метра 60 сантиметров, и Степанчиков сбил рейку. Тогда прыгнул Демин и перешел высоту. Своим Степанчиков сбил рейку. Демин с интересом наблюдал, как Сергеев, тренер Ваню, что то ликарлово вметывал на листе бумаги, как товарищи три-то объясняли Ваню перед прыжком, решившим прыгнуть Ваню, а тот смотрел ничего не понимающими серыми глазами, и шест дрожал в его руках. Наконец он улыбнулся и снова сбил. Это диск не обормовало Деминя. Выпрыгнул 20 сантиметров ничего не менял.

Поставил 3 метра 70 сантиметров, и Демин взял шест, разбежался и взял высоту. Ну что ж, взял, так взял! Степанчиков тут не при чем! Эри Сергеев записывает подметания, вопрос решен еще вчера. Но в этот момент шуршание выключенного микрофона занеслось над трибунами.

— Внимание, внимание! Только что заслуженный мастер спорта Демин взял высоту 3 метра 70 сантиметров. Если ему удастся преодолеть 3 метра 80 сантиметров, он догонит Степанчика. Сейчас Демин готовится к первой попытке.

Шутник — этот диктор! «Взять 3 метра 80 сантиметров!» Это немого труднее, чем позвать и включить микрофон. Однако попробуй.

Он сбил рейку. Конечно, он ее сбил. Иначе и быть не могло. Все микроборьбы уже кончались прыгать, и только Демин имел еще две попытки. Попробую еще раз. Своим взял разбег, снова удержал шест кончиком в земле, снова вылетел Демин на необычайную для него высоту — и вот он на арке. Но где же рейка? Почему так проточку неизвестно когда заполнившая трибуны? Помогите-ка: она наверху, как ни в чем не бывало! И, как бы подтверждавая его догадку, трезнит радио:

— Демин взял 3 метра 80 сантиметров.

Он бросал шест и пошел по футбольному полю. Он шел, утира слезы, и отворачивался от бегущих к нему друзей.

— Ухидите, — кричал он, — ухидите!

Хорошее зрелище: тридцатилетний мужчина плачет как мальчишка.

Его лицо, темное от загара и напряженное, было влажно от пота и слез. Молодость была рядом с ним. Он чувствовал себя свободно и радостно, как может чувствовать себя человек только на лесной поляне, в поле, на берегу реки. Он ослепел от счастья и увидел края стадиона, заполненного до краев гулом толпы и запахом травы, густую и гремящую вату. Молодость была рядом с ним.

Снова диктор подождал 3 метра.

— Если Демин прыгнет 3 метра 90 сантиметров, он выйдет на первое место.

Ну да, барьер прололжается, снова с ним рядом его молодой противник. В эту минуту Демин великодушно подумал, что молодость Ваню — не такое уже большое преимущество. Десятиборье требует острейших мускулов плеч, и плечи у Деминя.

Он шел вперед, к шесту, к высоте 3 метра 90 сантиметров и искал сухомятку, чуть долговязую фигуру Степанчика. Так и не увидев его, с первой же попытки прыгнул Демин 3 метра 90 сантиметров.

Степанчиков тут был не при чем: это было одиночество с

самим собой. А в это время Ваню шел по дорожке, шагнул в Деминя, стаявшего на траве, и судей, хлопнувших у рейки. Только подлая подлость Степанчиков показал, что произошло, и посмотрел широко открытыми глазами на этого человека, как ни в чем не бывало свдигнуло на траве.

Метание कुछ ничего не изменило. Теперь осталась последняя попытка тысяча метров. Для того чтобы вырваться вперед, Степанчиков должен был выиграть у Деминя семь секунд.

На старт вышло шесть бегунов. Бег вперед Деминя, а затем Степанчиков вырвался вперед — и тогда началось.

Отрывайся! — кричали друзья Ваню.

— Держись! — требовали товарищи Деминя.

Рывок словесный за рывком, и Деминя прихлопывало, захватывало все силы, чтобы удерживать этот сумасшедший темп. Степанчиков был без рывок за рывком. Он мечтал о том, чтобы не слышать больше дыхания Деминя, порога земли под его ногами. За 150 метров до конца Ваню в последний раз попытался оторваться.

Но Демин, скривя зубами, держался сзади. На повороте, при выходе на последнюю прямую, Степанчиков, не вытерпев, соборнулся и увидел Деминя в 5 метрах позади. И тут он почувствовал, что не в состоянии больше вытравить ним на землю. Он остановился и, поднимая ноги так, словно шел по сыпучим пескам, двинулся к финишу шагом. Впереди маячила темная спина Деминя, и Степанчиков узнавал, что этот человек тоже еле держится на ногах.

На финише победителя встречали судьи, на мгновение забывшие о том, что они судьи. Они улыбались так же как люди на трибунах, так же как провалившиеся фруктового сока, бросившие свои ларьки, чтобы посмотреть на этого упрямого Деминя. А Ваню Степанчиков не мог улыбаться: он слишком устал. Но он назвал все же достаточно сил, чтобы подойти к Деминю и сказать: Ты молодец! Саша!

ИЗ ИСТОРИИ БЕГА

Две фотографии, две эпохи. На фото слева вы видите, как великие прыгнувшие, спортивное задор старца. Трудно поверить, что это бегуны на 100 метров.

До 1889 года бегуны не знали, что такое вылез старт, и тратили драгоценные секунды на разбег. Однако спринтер Шерри, приоткрывшись к бегу, поощаюно, для всех принес би вылез старт. Этот момент рождения новой техники и записан на нашем снимке.

Судьи вопрошали, чтобы Деминя повила с землей, но тот отдался, шаг старт по-новому и пришел первым. С тех пор новинка Шерри стала неизменно другим спортивным элементом — вылез старт спринтера, который не пользовался бы новым стартом. Это дало великодушный бегуны значительно улучшить результаты на футбольном стадионе. Первый спринтерский бегуны мира нет Оуэс.

ТРИ РАССКАЗА о двух БРАТЯХ

ПЛОТВА

— Хотите в омут, плотва? — спросил старший брат у Георгия и Серафима.

Летний заводок в этом году большой: вода поднята и самому мосту, и в узком протоке бурлит необычайно.

— Грусить нечего, — сказал старший брат, — смори...

Он прыгает с моста в стремительную воду. Через пять или шесть секунд его выносит за его

метров, к самому омуту, и он спокойно мылывает на берег. Вот он уже поднимается на мост, гордый и улыбающийся.

— Идет, плотва? — спросил старший брат, но на слух ответа, добывая свое странное: — Что рассказывать?

Он схватывает ревушего Серафима, который охваченный бешено и долго полная его, бросает в стремнину. Следом за Серафимом летит и Георгий.

В воде слышишь смятение множество. Маленьким правится движение потока, оно несет их к спокойному и недвижному омуту. И вот они уже опять на мосту.

— Зораво, плотва! — говорит старший брат. — Давай вместе! Миромо плывишь — молодцы чепышны брати Зыанемские!

Они идут на реке Нахре, начинают купаться разными дружка, а кончат поуже все. Слободские ребята проважи их за это плотвию.

ЮМАНИТЕ — ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

В Москве мороз, а в Батуни тепло; сильнее море даже в февраль не замерзает. Вот почему Зыанемский поехал в Батуни тренироваться. Он прожил там уже два месяца, когда ему подали телеграмму.

Надо ехать в Париж, в столицу Франции. Там в большом парне будет конкурс. Рабочие-строители съедутся сюда из всех стран, потому что без этого каждый год устраивают релакции французской коммунистической газеты «Юманите», а юманите это значит человечность.

Уже через несколько дней Георгий вышел из вагона и ступил на французскую землю. Он в Париже! На вокзал встретить его пришли рабочие. Они поют.

Юманите! Юманите!

Только в Париже! На деревьях голуби поют.

Самый день Георгий вместе со своим братом Серафимом ходили по городу и наблюдали чужую жизнь. Прохожие узнавали советских братьев, раздвигались или кричали приветствия.

На следующее утро Георгий проснулся очень рано, оделся, съел легкий завтрак и поехал в парк.

Со всех концов Парижа сюда спешил народ. Было много зеленых, желтых, белых, пешеходов.

«Пролетарият всех стран, соединяйтесь!» — написанно на воротах парка.

Когда автомобиль, в котором ехал Георгий, остановился у ворот, толпа окружила его и зашла «Интернационал».

От дерева к дереву протянулись плакаты с лозунгами, а в середине большого вяза стояла яхта, и на ней развевались флаги всех национальностей: и бельгийский, и французский, и фин-

ский, и швейцарский, — потому что здесь устраивала релакция газет «Юманите», а юманите значит человечность. На самом верху этой яхты подняли большой красный советский флаг, и каждый, кто проходил мимо него, снимал шляпу.

В траве были расставлены флажки. На деревьях сидели люди, для которых не оказалось места на трибунах.

В час дня началось соревнование.

Первыми бежали мальчики, потом девочки, потом вышли старики.

Потом оркестр заиграл «Интернационал». Вся публика встала и запела.

Вышел стартер, и вот мастера спорта начали бег по пересеченной местности парка.

Всего нужно было пройти восемь километров — четыре круга, по два километра в каждом.

Сначала Георгий не торопился. Вперед бежали французы, швейцарцы, бельгийцы.

— Быстрее, быстрее! — кричали с трибуны.

И Георгий захотелось показать артелям, как бегают в Москве. Он сделал рылок, вышел вперед — и пошел, и пошел! Теперь догнать его мог только один из участников — брат Серафим. Вместе соревновались они в детстве.

Вот они бегут рылок, и публикан кричит их и по-французски: «Алле!» — и по-русски: «Скорее!»

Так быстро они, кажется, никогда не бежали дома. Георгий немножко отстает от брата, но ему не завидно. Пусть! Все равно они обогнали всех. Он видит на своей вершине мачту родной красной флага и говорит самому себе:

«Юманите — человечность, надо быть добрым. Пусть!».

И ленточку рвет Серафим.

ДОКТОР

Дядя Ванюша, учер, поехал с аэродрома за покупками. Вареньку и ее мать он довез до больницы.

Пришел доктор, очень высокий, с длинными ногами.

— Посмотрим, чем порадуете, — сказал он и начал осматривать девочку.

Руки у него холодные, и Варя стало чуть вздохнуть.

Потом толстая тетя в белой рубашке — это была медицинская сестра — так зово и быстро сделала укол, что Варя даже не почувствовала боли.

— Ну вот, теперь, сии, поправилась, — сказала сестра и такую же вышла.

В соседней комнате в кресле сидела мама и плакала.

— Как же так? — говорил доктор; он привычно-большими, легкими пальцами ходил по рукам мамы. — Как же так? Вы бы еще на два-три дня подождали дочку! Душам, обойдется! Но может обойтись. У все знаете что? Тяжелая форма скарлатины.

Доктор был молодой. Его привели в больницу на практику из института.

— Четвертый день больна! — продолжал он. — Что теперь с ней делать будем? Что? Сейчас она получает укол, и это совершенно правильно. Потом дадим ей сердечное средство. Разные так камфары.

Доктор остановился против мамы и уже никак поговорил на нее.

— Серьез, — сказал он, — серьез и неукротивости! А дочка ваша будет жить. Не плачьте, Вырвем девочку! Сестра! — позвал доктор. — Камфару, пожалуйста! Я за сердце боюсь.

Вместа они вошли в Варю.

— Действуйте, сестра, розньемная, действуйте! — прокричал доктор, наклонив над девочкой.

Варенька дышала ровнее, температура его слы и высокая температура лица ее испулаго доктора.

— Посушаем еще раз сердце, — сказал он, вынув из кармана канти стетоскоп, которым выслушивают брахных, и приложил его к вариню груди.

— Сестрица, милая, отек! — чуть но закричал доктор. — Будь я наездник, если ей не нужен кислород. Тут одной напором мало!

Он приподнял одеку и внимательно оглядел Вареньку.

— Обморите, сестра, ноги!

И сестра увидела, что ноги у девочки носили. Без! Умирает Варя! Скорее кислород! Только он может поддержать слабейшее сердце, вложить в легкие жизни.

— Сестра, где у нас кислород? — спросил доктор.

Для Ванюша, учер, вернулись. Он стоял в коридоре с вепоной в руках и жал, не решаясь закурить в неприличном месте.

борм для высотных полетов, что лая.

Умирает девочка! Доктор стоял над постелью больной. Умирает! И все это потому, что больничной заботе вовремя не поубавилось заботы кислородом! Какая штука!

— Кислород отпустить они, конечно, согласны, — сказала сестра, возвращаясь, — а машини, чтобы доставить его, у них нет.

— Нет! — переспросил доктор.

— В разное все, — ответила сестра. — Тут человек, который привез девочку, в коридоре дождается. Может быть...

Серафим Иванович подошел и ослу. Долгая у дяди Ванюши была не на порядках, быстрых в ней немного.

— Знаете что, — сказал доктор, — сколько тут до аэродрома, если крохоток?

— Как?

— Каким лесом пробегать?

— Кислород семь, не меньше.

— Бегу. Выложите и большой доктор Познанскому. Долгая все же поплоту на аэродром. Я митом.

Если бежать в обыкновенных ботинках, будет медленнее, чем если переобуться в тренировочные туфли на резиновом ходу, — и победил. Никогда прежде не бежал он так. Сейчас его противники были серые девочки. Она настигла отца. Пройдет еще полчаса и дядю извещивали газ — кислород — уже не поможет! Ветер бил ему в лицо, но Серафим Иванович не отворачивался, не останавливался. Бегуно не хватало дыхания, он бежал, бежал, обгонял смерть ребенка. На секунду далеко позади себя доктор увидел дядю дяди Ванюши, мчавшуюся по шоссе. Скорее, скорее!

— Давай, давай!

Он сам кричал себе, подбавлял себя, как болельщик на стадионе.

И первым прибежал к финишу.

В элвративе аэродрома его ждали две больших резиновых подушки с кислородом, и обратно он полетел под этими парусами, легкими, словно крылья.

Как только Варя начала давать кислород, свисая на ногах исцелал.

Через несколько дней, еще в постели, Варенька играла поздравком доктора Серафима Ивановича Зыанемского: плюшевый мишка с замком «Мишка» на шее; открыл замок, а там шоколадные конфеты «Мишка на Севере». Очень вкусные!

— Кислорода нет, весь выдох.

Серафим Иванович! — ответила сестра. — Я позвоню на аэродром, там всегда есть, у них там при-

Вот река, созданная руками человека. Называется она Большой Ферганский канал имени Сталина.

Повелитель рек

С. ФИН

Представьте себе жаркую плодородную долину под высоким ослепительно синим небом. Благоприятный климат, благодатные лесные почвы, как будто все создано для земного изобилия.

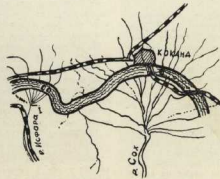
Приходит весна, покрывает зеленым ковром степи. С надеждой и упованием смотрит землероб на первые, южные всходы. Но вот солнце сильнее пригревает землю, испаряется, уходит в воздух весенняя, питательная влага. Растения гибнут, им не хватает воды.

Веродостою природы очень трудно обнаружить, глядя на карту. На ней изображено множество известных линий. Начало рек можно проследить среди гор, почтительно обступивших Фергану, конец — в самой долине, где они распадаются пыльным веером ороительных каналов. Если сложить в кубометры воду, которую несут все реки Ферганской долины, то окажется, что влаги вполне достаточно для орошения полей. Но почему же тогда трескается от жары почва в глубине долин, вынут листья на кустах хлопчатника, тоскуют по влаге перелом, абрикосы, миндаль в садах? По чьей прихоти вступают арыки?

Теперь, узнав режим рек, питающих долину, человек может ответить на эти вопросы. Дело в том, что паводок больших и малых притоков Сыр-Дарьи — полноводной реки, протекающей на севере долины, — происходит в разное время года. Реки снегового питания (Кара-Дарья) полноводны весной и маловодны летом (тогда-то и вступают дальние, расположенные в низовьях арыки). Реки ледникового происхождения — Сох, Исфара, — наоборот, мелководны весной (а влаголюбивый хлопок так ждет в это время полива!) и полноводны летом, когда в горах, пригретые солнцем, тают ледники. Сократив исключение составляют реки с двумя паводками, так называемого смешанного питания; в них встает много воды, весной и летом. Таска Нарын. Уже в давние времена народ обратил свои взоры на эту бурную, полноводную реку. Сливая свои воды с Кара-Дарьей, она впадает жизнь величавой Сыр-Дарье, мечась в далеком

Аральскому морю. Но, для того чтобы забрать у Нарына часть воды и направить ее к югу, к бассейну рек, восточных арыкам, нужно не одно только страстное желание: нужна еще высокая техника, нужно, чтобы земля принадлежала народу, нужно свободное, творческое сотрудничество людей труда и науки—нужна советская власть.

И вот совсем недавно в долине Ферганы начали создавать новую, искусственную реку, которая должна была командовать всеми водами долины и помогать густой ирригационной сети орошать поля и сады в любое время года, вне зависимости от таяния снегов и ледников. Эта «рукославленная» река, не нанесшая пока ни на одну карту мира, прогнулась 350-километровой лентой через всю Ферганскую долину. По своей длине Большой Ферганский канал имени Сталина, сооруженный узбекским народом в несмьлканно короткий срок, равняется реке Севери, одной из самых больших рек в Англии.

На этой схеме показана лишь часть Большого Ферганского канала имени Сталина. Везде, расположенные впадо от канала, орошаются арыками, которые наполняются водой Исфары и Соха. Везде, расположенные вправо от канала, питаются его водой.

Бурные воды Нарына пришли по искусственному руслу к Кара-Дарье и подняли уровень этой реки. Дальше поток направляется каналом на запад Ферганы, туда, где пыльным веером ручейков расползаются по долине восточные реки Сох, Исфара и другие. Теперь, когда повзросли крупнейшие нижеверные сооружения (их на канале свыше 50), стало возможно то разумное управление водами долины, которое навсегда избавит жителей плодородной Ферганы от капризов стихии.

Все делается, как по мановению волшебного жезла... Весной, когда запад и югозапад долины мучительно страдают от недостатка влаги, когда энергия маловодных в это время года рек Исфары и Соха не хватает для питания всей орошительной сети, основной поток вод канала направляется именно в эту сторону Ферганы. Но здесь происходит интересное разделение труда: земли слева от канала орошаются арыками, забиранными водами Исфары и Соха. Это достаточно. Но к землям, расположенным а «хвостах» арыков, редко когда доходила вода с верховьев: ее по пути расхватывали другие, находившиеся выше арыки. Теперь «хвосты» арыков Исфары и Соха, как, впрочем, и других рек, наполняются водой канала, и землям, расположенным справа от него, уже не страшна засуха.

Но вот наступит лето. Теперь уже восток и юговосток долины, находившиеся до сих пор на почечении обогащенной весенним паводком Кара-Дарьи, испытывают потребность в воде. Что же, канал доставит значительную влагу и для той сети арыков, которые весной сыты были водами Кара-Дарьи?

Так, разумно распределяя водные ресурсы, управляет стихией рек. Большой Ферганский канал в содружестве с Южным и Северным каналами поможет всей ирригационной сети долины полностью обеспечить водой орошаемую территорию. Окколо 80 тыс. гектаров пустовавших ранее земель будут скоро возделаны. Воды новых поселений возникнут амриджанцы, африкосовые сады. Жизнь забурлит в этих обжитых зимой местах, побурлит в этих обжитых зимой местах, побурлит

ЗЛАТОКОННАЯ МАНГАЗЯ

В грозные годы царствования Ивана IV по Руси из уст в уста передавался рассказ о «златокононой Мангазее», о маленьком лесном городке, занутому в глубь далекой «полюющей» Сибири.

Этот сказочный городок в Русии отделила бури «Мангазейского моря» и крути Уральского хребта, вершинам которого «за облаком во выетни... а днина его от моря и до моря». Но отчаянные искондроды, зная, каковы пути звания дороги в Сибирь через суровый «Камень» (Урал). Он — путь этот — шел по лесным дорогам, где «дотора шивала людям, пусто место». Он шел тесными речками, где можно было пробраться лишь с помощью одиодрвнх-досыбенах. На волюе черев «Камень» с «кривом и вопою» падала «кривая воронья саомоль».

За испротивим «Мангазейского моря» (Тазовая губа), в низовьях реки Таз, стояла Мангаза.

Каждый год ранней осенью в Мангазее приходили «срещаемые» путники со стороны торговых людей. Шумная жизнь шла тогда Мангазе: населялся лагоченные на лето люди, и шла «арманга». А весной, собрав запасы охотничьих, подводных и лесных животных, охотники и торговцы шли в обратную сторону вверх по реке Тазу, волеюю переправляясь на Енисей, шлю в бассейну Пасузу (Таймыр), на Виллю и «свиную реку» Лому.

Безбрежная северная тайга встречала охотников зимнего и летнего. Но, как правило, удавалось осенью вернуться в Мангазее, принося с собой тяжелые запасы бесценных соборных шкур и богачи возвращались в свои родные деревни.

Морской путь в Мангазее начинался в устье Двини. Отсюда мореходы шли на «подъезд берег пособив ветром». Не желая обходить длинный Камень и талодей Ломы, им удавалось осенью вернуться в Мангазее, принося с собой тяжелые запасы бесценных соборных шкур и богачи возвращались в свои родные деревни.

Осеню и травни был этот путь «морем-океаном», зависел от случайностей погоды, от попутного ветра, от подвизка льдов. И везет или до 50 человек «судов» (судов) приходило каждый год в Мангазее из далекой Европы. До 35 тысяч оленей только дорогих соборных шкур продала за осень Мангазее. Это был единственный морской порт западной Сибири.

Москвичи и яростцы, устояло и женщины, кострички и казачки — весь этот смелый люд, занесенный со всех сторон Руси в неистощивую Мангазее, — объединялся в Мангазее в своеобразный союз, образуя «мир». Мангазею не звали ни царских воевод, ни дьяков, ни подьячих. Но ежегодно оставались в Мангазее представители своего зимовья. В 1601 году пришла сюда царские воеводы. С появлением московских воевод начался соборы. Одно время три государя падали ша в восточный восточный карман. «Мир» окончился.

Начался «мангазейская смута о ружьем и сабей», с осадой воеводских бажен.

Эта смута была началом конца Мангазее. Московский воевода перенес свой центр в соседней Туруханск. Москва стала чинить притязания мангазейской торговле и, опасаясь прихода в Сибирь иноземных купцов и судов, строго-на строго запретил вывозить из Мангазее не только «срещаемым путем», но и «старою дорожю болшим морем». И Мангазее обезлюдела. Ее деревянные стены развалились, буми разбросал доски бревна, и не найти теперь даже того места, где когда-то шла торговля Сибири с Европой.

И только в наше, советское время снова появились караваны торговцев, судов и подводных охотников промывку и вад Великим Северным морским путем, освещенным болшимися, гордо разменяется факт нашей родины.

П. ЛОПАТИН

Линейный корабль «Queen Elizabeth» (Великобритания). Водоизмещение — 31 100 тонн, скорость хода — 23 узла, длина — 133 м, ширина — 8—301/2 м, 8—162/50 м, 8—162 м эскадренных, 2—40 м эскадренных артиллерийских 4—47 мм и 15 пулеметов.

М. ШЕРЕМЕТЬЕВ

МОРСКОЙ БОИ

Современный морской бой — странное сочетание огни, скорости и брони. Каким из этих элементов однокорпусов является на ход морского сражения.

Достаточно кораблю лишиться артиллерии, как он превращается в беззащитную мишень. Инициатива действий всегда на стороне корабля, обладающего большей скоростью. Он может принять бой, может уклониться, он выбирает дистанции для стрельбы и курсовые углы, он определяет точкой огневого соприсношения.

Не менее важно и третье условие боя — брони. Нет брони, защищающей жизненные части корабля, — и судно уязвимо, не нужно большого количества снарядов, чтобы уничтожить его. Так, например, случился с английским судном-ловушкой «Дангрена». Курсируя в Бискайском заливе в поисках немецких подводных лодок, «Дангрена» в начале августа 1917 года встретил, наконец, желанную цель: подводную лодку «V-71». Подводная лодка открыла по «Дангрена» артиллерийский огонь. Один из снарядов попал в цель, на судне вспыхнул пожар, и оно затонуло. Странная участь постигла экипаж английского миноносца «Парtridge», который тоже был плохо бронирован. В декабре 1917 года в Северном море этот миноносец подвергся обстрелу.

В судно попало только два 88-миллиметровых снаряда, но попали они в жизненную часть корабля: турбинное отделение — и переборки главного трубопровода. Весь личный состав, находившийся в этом отделении, буквально сварились. «Парtridge» затонул.

Но история морских битв знает и другие

Анонсов «Glorious» (Великобритания). Водоизмещение — 22 200 тонн, скорость хода — 31,6 узла, артиллерия — 19—120 мм эскадренных, 4—47 мм, 4—40 мм эскадренных артиллерийских, 17 вооруженных автоматов.

Полночная лодка «Grifone» (Италия). Водоизмещение — 870 тонн, водоизмещение полное — 1250 тонн, скорость хода — 17 (18) узлов, артиллерия — 2—160/47 мм, 2—13 мм эскадренных, торпедные аппараты — 8—533 мм.

Эскадренный миноносец «Hibiki» (Япония). Водоизмещение — 1700 тонн, скорость хода — 34 узла, артиллерия — 4—120 мм, 4—47 мм эскадренных, торпедные аппараты — 9—833 мм, 3—111 мм.

Крейсер «Zara» (Италия). Водоизмещение — 10 000 тонн, скорость хода — 32 узла, артиллерия — 8—203/83 мм, 12—100/47 мм эскадренных, 8—37 мм эскадренных, 8—13 мм эскадренных.

факты. Английский линейный крейсер «Инианкис» в бою у Фальмюльских островов получил 23 пробития от снарядов. Все неубитые части, надстройки были разрушены. Пробития имелись и в подводной части судна. Однако крейсер не затонул. Главным фактом боя 178-миллиметровой тошны не пострадал сердце корабля — машины — не было затронуто, и «Инианкис» продолжал бой.

Техника кораблестроения совершенствуется непрерывно. Строятся корабли большой скорости, огромной моты, заканчивание в виде дальнобойной крупной артиллерией всех калибров. В современном морском сражении участвуют не только все классы кораблей, но и авиация. Большую роль приобрела техника современности — авиосыны.

Каждое морское сражение имеет свои особенности, по-разному искусство тактики морского боя. Рассказке о двух из них, которые разыгрались совсем недавно на военных театрах второй империалистической войны.

БОЙ У ЛА ПЛАТА

Немецкий линкор «Адмирал графа Шнее» вышел для рейдерства на просторы Атлантического океана. «Адмирал граф Шнее» беспощадно топил английские торговые суда, превосходящие в метрополитном оружии, смирно, боеспособно. Провизионный, хорошо вооруженный линейный корабль уничтожал своим огнем целые транспорты на важнейших морских коммуникациях. Англическое адмиралтейство забеспокоилось. Против «Адмирала графа Шнее» английские бросили крупные морские силы. Поиски рейлера продолжались днем и ночью, но он был неуловим. В сентябре 1939 г. английские крейсера «Аякс», «Ахиллес» и «Экстер» блуждали берегов Уругвая встретились, наконец, с германским линкором. Произошел морской бой. Против немецкого линкора, вооруженного одиннадцатидюймовой артиллерией, хорошо бронированного и потому достаточно живучего, появились три крейсера англичан: два — легкие, один — тяжелый. Сила бортового залпа у линкора была сильнее, чем у всех трех крейсеров вместе взятых. Он был лучше и защитнее броню. Но крейсера имели одно преимущество — большую скорость хода. Они очень быстро назвали линкор и заставили его принять тактику отступления. Как ни этого ни хотел, отступать от своих следов, но страшно навязчивых преследователей.

«Адмирал граф Шнее» открыл огонь из всех своих орудийных бажен.

Тяжелый английский крейсер «Экстер» принял всю тяжесть артиллерийского залпа на себя, а в это время легкие крейсера «Аякс» и «Ахиллес», — пользуясь преимуществом в ходе, несколько раз подходили к немецкому кораблю на близкую дистанцию и выпускали свои торпеды.

Дважды корабль сходился для смертельной схватки и дважды расходился, чтобы, собрав силы, шле с большим ожесточением наброситься друг на друга. Нарваненный с сильным креном, почти лишившись всех надстроек и артиллерии, но упорный в достижении поставленной цели, «Экстер» подо-

дла на дистанцию в 20 кабельтовых (около 4 километров) и продолжал атаку. Как ни старался «Адмирал граф Шнее», как ни уверялся от смородов и торпед противника, он не избежал смертельного удара.

Линкор был поврежден. Дальнейшее сопротивление было бессмысленно. «Адмирал граф Шнее», оставив дымящую закру, пошел на рейд Монтевидео.

Через несколько дней по приказу Гитлера команда потопила линкор «Адмирал граф Шнее» у южной берега. Командир крейсера застрелился.

В этом бою интересно то, что крейсера, пользуясь преимуществом в ходе, добились сильного противника — линейной корабля.

БОЙ У МЫСА МАТАПАН

В конце марта 1941 года в восточной части Средиземного моря, у мыса Матапан, произошла морская битва между английскими силами и итальянской эскадрой. Морской бой этот вошел в историю под названием «Бой у Матапана».

До сего времени еще не известна географическая точность спривозвождения фотом. Но анализируя действия эскадр, можно сказать, что бой произошел юго-западнее острова Крита.

27 марта итальянский флот, намереваясь совершить нападение на караван английских судов, покинул свои территориальные воды и взял курс на ост.

Чтобы пройти незамеченными мимо острова Крита, принадлежащего Греции, итальянские корабли повернули южнее и разделились на две группировки. Утром 28 марта они должны были соединиться на траверзе о. Крита. Разделение, в две группировки объясняется, по-видимому, еще и желанием итальянцев избежать тщательного прочесывания моря.

27 марта, т. е. в первый день выхода в море итальянской эскадры, английские разведывательные самолеты обнаружили ее у м. Пассеро (Сицилия). Английская эскадра, базировавшаяся в Александрии, немедленно вышла в море навстречу итальянским кораблям.

Утром 28 марта легкие силы английского флота, высланные вперед на разведку, обнаружили к юго-западу от о. Крита часть итальянской эскадры — линейный корабль типа «Литторно» в сопровождении крейсеров. Английские разведывательные самолеты сообщили, что к северу от этой группировки находится вторая: два линкора типа «Каура», несколько крейсеров и миноносцев. Английская эскадра в это время находилась на значительном расстоянии от итальянского флота. Итальянцы могли скрыться и бой не принять. Между прочим, в современной морской войне итальянские военные корабли избегают встреч с английскими, они торопятся уйти в свои базы, стать под защиту береговых батарей. Это объясняется следующим обстоятельством: итальянские корабли бытстроходнее английских, но они более уязвимы для огня, так как у них нет такой сильной брони, как у английских.

Имея преимущество в ходе, итальянские корабли всегда могли оторваться от противника. До сих пор такие вошедшие отходы удавались.

Но на этот раз итальянские корабли, заметив легкие силы англичан, а затем получив донесения о движении главных сил противника, повернули на запад, на обратный курс, и начали поспешно отходить. Английские корабли догнать их не могли. И, чтобы не дать возможности итальянской эскадре уйти в свои базы, английское командование приняло такое решение: нанести с воздуха по бытстроходной группировке (линкор «Литторно») несколько последовательных ударов, вынудив эту группировку преимущественно в ходе и этим принудить противника принять бой.

В течение дня английские самолеты-торпедоносцы непрерывно атаковали линкор «Литторно». Боевые продолжались до наступления темноты. Очевидно, попавший по кораблю было мало. Крейсера и миноносцы, прикрывая отход главных сил итальянцев, упорно отбывали возлагаемые налеты.

Но, наконец, линкор был все-таки поврежден. Конечно, итальянские корабли всей мощью эсигитного огня отражали удары авиации, и в этот день многие английские самолеты не вернулись на свои базы, но создать такую плотность огня, чтобы совершенно исключить попадание, было невозможно. Поврежденный «Литторно» замедлил ход, а вместе с ним вынуждена была замедлить ход и вся эскадра.

Итальянские корабли от острова Крита успели за это время отойти на северозапад, примерно за 300 миль, и приблизились к мысу Матапан.

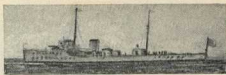
СООТНОШЕНИЕ СИЛ

Итальянская эскадра, как мы уже писали, состояла из двух группировок. Обе группировки состояли из следующих кораблей: трех линейных кораблей (один — типа «Литторно» и два — типа «Каура»), одиннадцати крейсеров (из них три тяжелых типа «Цара») и нескольких эскадренных миноносцев.

Английская эскадра состояла из трех линейных кораблей («Уорриэлт», «Варэм» и «Валемит»), миноносца «Форсайтба», четырех крейсеров («Орион», «Алекс», «Перт», «Глостер») и нескольких эскадренных миноносцев. Кстати сказать, «Алекс» — это тот крейсер, который участвовал в бою у Ла Плата против «Адмирала графа Шнее». Линейных кораблей, как мы видим, у англичан было на один больше; зато итальянцы имели больше крейсеров. Вес бортового залпа английских кораблей составлял приблизительно 16 400 килограммов, вес бортового залпа итальянских кораблей — 11 170 килограммов, так что английские корабли имели преимущество в силе огня. Английские корабли были также лучше бронированы. Таким образом, сопоставляя все эти данные, видно, что итальянская эскадра была, безусловно, слабее.

Охраняя раненый линкор, итальянская эскадра медленно продолжала отход.

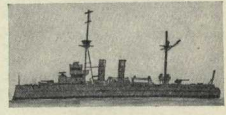
С наступлением темноты английские линейные корабли в сопровождении легких сил вошли, наконец, в боевое сопривозвождение с итальянским флотом. Заговорила корабельная артиллерия. Правда, ночные условия благоприятствовали скорее итальянцам, чем англичанам, однако поврежденные итальянские корабли не могли долго сопротивляться. Крейсера грудью защищали свои линейные корабли, но силы были неравными. Кроме того итальянцы допустили несколько ошибок. У них отсутствовала разведка. Появление на рассвете 28 марта главных английских сил явилось для итальянцев неожиданным. Отход итальянского флота не был прикрыт от нападения с воздуха.

Сторожкий корабль «Kingfisher» (Великобритания). Водоизмещение — 510 — 800 тонн, скорость хода — 20 узлов, артиллерия — 1—102 мм, 9 орудий.

Тяжелый «Hatsueo» (Великобритания). Водоизмещение — 815—875 тонн, скорость хода — 16,5—17,0 узлов, артиллерия — 1—102 мм, 1—102 мм, 9 орудий.

Маленький эскадренный «Flamingo» (Шенпан). Водоизмещение — 1870 тонн, скорость хода — 20 узлов, артиллерия — 4 — 120/50 мм, 4 орудия.

Это частично объясняется отсутствием авианосцев в итальянском флоте. Итальянцы не организовали ударов авиации в подводных лодок по преследовавшим английским кораблям.

В результате боя итальянцы потеряли три крейсера, один легкий крейсер «Джованни делла Ванданера» и несколько эсминцев. Так сообщает английская сводка. Повреждены также линкор «Литторно». Итальянцы опровергают слух о потоплении крейсера «Джованни делла Ванданера».

Таким образом это второе интересное морское сражение второй империалистической войны.

Схема сближения и боя итальянской и английской эскадр у мыса Матапан.

КАМНИ И ПЕСНИ

(Из записной книжки геолога)

1. НА ГРАНИЦЕ ГОР И ПУСТЫНИ

Спускаемся с горы, ведаю коней на поводу. Из-под копыт сыплются камни и, улетая в снежные пазухи сотни других камней, с грохотом летят в пропасть.

Справа крутой склон, завывающий обрывом, слева отвесная стена, шершня которой закрывает солнце, и мы осторожно идем под этой стеной. Тропы здесь инваской нет, да и зачем молодому геологу тропы, если он хочет осознать все уголки мрачного хребта Куя-Тав-Тав и если его проводит Игам-берды. Дошвар все свои 60 лет прожил в этих горах? Время от времени передала коню проводнику и караблясь к заветеревавшей мне скале. Иногда эти боковые маршруты так увлекают меня, что я ухожу далеко в сторону и с удивлением встречаю там соорудительного Игам-берды, сумевшего изведать каким путем промется трад коней, передала ему образцы гранита, измерил или руды, и мы идем дальше. «Неприступные места, куда нельзя пойти с конями, мы осматриваем влоном, приваляз коней где-нибудь под скалой к кусту горького миналя или барбариса.

Безо пролитою ночь мы ехали по горной долине, рассвет застал нас уже в горах. Игам-берды вел меня, чтобы показать древние, давно заброшенные хохы, в которых, судя по названию — «Тилдо-ханы» — добывался золото. В обвалившихся подземных выработках мы нашли полуистлевшие кости, кайла необычной формы, покрытые густым слоем ржавчины. В одной выработке я поднял череп древнего шахтера, исколота сокровищ, нашего здесь слово суабу-бу. Здесь, в забое штольни, я отбил

несколько образцов жидкой породы для будущих лабораторных исследований.

Сейчас мы спешим поскорее вернуться из гор в долину, чтобы успеть к коному базару в Шарабаде, но спуск труден, отнимает много времени. В одном месте, когда спуск стал легче, Игам-берды внезапно повернул влево, потом немного назад... «Странно», — подумал я, — вперед удобный спуск, а проводник идет назад». Все противоречия охвател меня, и я крикнул:

— Игам-берды, куда ты?

— Здесь блокя.

— Да что ты? Идем здесь, я сам пойду вперед, — и я быстро пошел своего коня.

Проводник ничего не сказал и пошел за мною, но вскоре я оскандалился. Мой конь споткнулся, полая ногой в яму, вырытую лисим кабаном, и чуть не сломал ногу. Случи с образцами, перекинувшись через седло, сорвался со своего места, и все седло стехало набок. Здесь мы проводились пол часа, и мне пришлось на уш, что слова «тине едешь» — дальше будем», ставшие впоследствии модой, впервые сказал молодой

геолог, не послушавший своего проводника.

Подъезжаем к большой Хохманской дороге. Над нею колышутся желтые облака пыли. Много пыли и вездеходов движется в сторону Шарабада. Из-за клубов пыли показывается арба с разваленными колесами. На козле, ведущем арбу, уперлись ногами в оглобли, сидят ирвцы с бромовой грудью, черными, как сажа, бровями на загоселом лице, с бритой головой в бухарской тюбетейке. Ирвцы поют коня и ирет коня. За арбой на конском волосе чачанями не видно лиц, но по голосам и фигурам можно угадать, что здесь сидят четуре совсем еще молодых девушек и две толстые старухи. За арбой на привязи поноур шагает корова.

Дорога очень уютнолетная. Скорей бы промать эти расклеванные тукеры и рекущие глаз серебристые солонцы! Смотрю на часы: 9 часа утра, — солнце уже высоко и жжет беспощадно. Воздух сухой и горький, как дыхлае вулкана, обоняет лишю. Пыль летит в глаза, на зубах скрипит песок. Задерживаю коня и ирчу своему спутнику:

— Игам-берды, далеко ли еще ехать?

— Ближко, — отвечает Игам-берды. Я по опыту знаю, что проводники определяют расстояние, смотря по настроению, и если слово «ближко» говорит прозянко, то это значит не так уж близко. В самом деле, мы скачем еще целых час, пока не подъедем к двум курчмам, под которыми журчит вода в ямке и зеленеет хлопчатник. Игам-берды поит коней, а я,

быстро утопив жажду и умявшись, поднимаюсь на ближний курган и смотрю на восток, где зеленеет Шарабад — «город дыла», в переводе с ирвского. Через 15 минут идем дальше. Проезжаем ханжюкми поляны, виноградники, бадами. Многочисленные серебристые ручейки текут по бороздам и заливает дорогу. Игам-берды гудает «мюба», который плодом смотрит за своим утятком. Вода заливает все впадины дороги. Белая пыль собирается у шарьорных кустов — «астргалот», — устроявшийся был дорож. Пандорная, лесовая почва жалю выплывает влагу, набираясь жизненных сил.

На окраине города белает постройки МТС, на каком-то здании неподвижно висит красный флаг. Город расположен на границе между горами и равниной.

На берегу быстрой реки, вырывающейся из ущелья в нескольких километрах от города, стоит высокий холм с разваленными холми вдали. У подножья холма развалины анжрада, подернутыми спилой пыльной, урочные и перископе деревья, белая акация с колочными ветвями. Но все это можно видеть только с седла, так как на утлну выхлуд лишь жалю стены киботок и дышат — высокие глиняные забора.

2. КУРГАНЫ И КИРВЗИ

— Хорошо ли тебе?

— Слабико, мне хорошо, — отвечает Игам-берды.

— Хорошо ли твоей жене?

— Слабико, хорошо.

— Дети?

— Хорошо.

— Всему твоему дому?

— Все хорошо, а тебе — и т. д.

Я тоже здороваясь.

Подкованные лошади и видим их оязь в караван-сарай. Уже

вечер Ложится спать. В полночь Игам-Берды будит меня, и мы поехали Ширабад. Еще в вечер мы поручили двум колхозникам пригнать в наш кишлак куленных пшавок и коней.

Самой кратчайшей дорогой через ущелье Газ-дакана. При входе в это ущелье мне внимание привлекает высокий курган, сложенный не из земли, а из одних мелких камней.

— Кто это сделал, Игам-Берды?

— Старая колдунья Мастан-кампыр.

Проехав ущелье, мы попали в междуречную долину и на рассвете проехали несколько кишлаков. Между кишлаками Чарвак и Тагтырик стоят два кургана.

— Игам-Берды, а это что за курганы?

3. СЛЕЗЫ ПРЕКРАСНОЙ ОЙ-БАРЧИН

Вечером в юрте старого чабана Хамро за дружеским дастарханом собрались приятели чабана: бывший командир отряда красных павлодарских черкешенский Умар Турды, его бывший боец, мой ровесник Игам-Берды, колхозник колхоз Хуррам-отбайы, геолог Агата Петровна и я.

После двенадцатого пшавы пили крепкий жок-жак (без сахара, так как сахар портит вкус этого замечательного чая). Старый Хамро и его друзья-соседи ухаживали за мной и Агата Петровна, как будто у меня была самая борода до носа, и мне стало несложно.

— Хамро-бай! Мы с Агатай Петровной здесь самые молодые, а здесь сидят почтенные аскалды...

Хамро возразил:

— Андикюр-ака! Гость всегда старше хозяина! — и подал мне пшаву, в нем чувствовалась маж.

Говорили о полне клочатника, об охоте Умыра на джебранов, каждое утро приходящих к соляной горе Ходькан-Кан лязгать каменную соль, о войне, о наших понахских редких минералах... Агата Петровна рассказала о том, что ученые хотят при помощи оптических аппаратов и невидимых лучей сделать прибор, чтобы было можно видеть сквозь туман, облака и даже небо. Это всех поразило, и Игам-Берды сказал:

— Справедливо говорили деды наших людей: «Что прекраснее золота? Рубин. Что прекраснее рубина? Любовь. Что прекраснее любви? Разум. Что прекраснее разума? Алмаз».

Умар Турды возразил:

— Ну, про Алмаха что говорить, а разум, наука — это больше, преобладающая сила.

Хуррам-отбай задумчиво перерыл струну дутара. Я обратился к хозяину.

— Хамро-ака, расскажи нам о прекрасной Ой-Барчине!

— Расскажи, расскажи, — поддерживала меня Агата Петровна и Умар, а Хуррам трюнул дутар старому чабану.

Хамро отпил глоток чаю и взял дутар.

— Давно, давно, — начал свой рассказ Хамро, ударяя по струнам — после того, как здесь проехало 364 порога, проехавшая в нашем краю Алпамыш-хан.

— Он пришел с севера, из казахских степей, — вставил Игам-Берды.

— Здесь играла Ой-Барчин — дочь хана.

Вот от предгорий на несколько километров тянется ряд колодезней, соединенных между собой подземными галереями, в которых бежит холодная вода. Колодези ставятся все мельче и мельче, и, наконец, вода течет по канаве и разливается по полям.

Для устройства этого разветвленного водопровода, или кызына, не затронуто ни одного дерева, ни капли железа, ни ведра цемента.

— Игам-Берды, что это за кырыз?

— Это Аймак-кырыз, самый древний из всех кызызов. А вот Утлык-кырыз — самый новый, его устроил мой дед Утлык-бобо.

С восходом солнца мы приехали в кишлак Тагтырик, где квартирует мой отряд.

— И была с вами красавица-дочь Ой-Барчин — вдова луны, — продолжал Хамро. — В нашей стране царствовал паша Махкатыль-урус.

— Почему ты зовешь его урусом? — спросил я.

— Потому что он не был мусульманином. Алпамыш-хан был сином ислама. Как Жил Махкатыль-урус в славном городе Ширабаде, над воротами которого висело изображение льва. Дворец паша стоял на холме у реки.

Голос рассказчика звучал ритмично. Врем от времени Хамро ударял пальцами по струнам дутара — ритмично смеялся нешнем.

— Любима дочь Махкатыль-уруса, Ай-тавука, всегда играла с подругами в нашей долине, где теперь стоят два кургана около Аймак-кызына. Видела ли ты, андикюр, это поле, все заросшее красными маками? — обратился Хамро к Агате Петровне.

— Да, Хамро-бай, я видела. Там очень много цветов: маля, желтый лилий и других, — но особенно хороши там красные маки. Ты ведь понимаешь, почему наш колхоз называется «Камыль-гуль», — «Красный цветок».

— Так вот, — продолжал рассказ старый чабан, — там Ай-тавуку и ее подруги собирали цветы, резали и пели.

За девушками смотрела старая колдунья Мастан-кампыр. Однажды она заснула под курганом, но вскоре проснулась, как будто кто ее толкнул. Быстро сосчитала она девушек. Но что за чудо? Играла не семь, а восемь девушек. Все девушки были красивы, как яркие звезды, а восьмая, неизвестно откуда явившаяся девушка, сияла, как серебряная луна. «Кто ты, красавица? — спросила ее старука.

«Ой-Барчин — дочь Алпамыш-хана. Тогда Мастан-кампыр пошла во дворец и сказала паши Махкатыль-урусу: «Великий паши! Прибыл мусульманский хан Алпамыш и с ним его дочь невиданной красоты — Ой-Барчин». Паши удивился: «Невиданной красоты, говоришь? Ужелюди красивее моих жен? Певать кто мне Алпамыш-хана? Девять привороженых мажидов исполнять волю паши. И вот заремели барабаны, загудели карни, зазвенели бубны. Идет красавец Алпамыш-хан. Его халат сверкает золотом, рубинами и бирюзой. Его чалма — белоснежная гора, ножны его меча разобьются от ярике лучи солнца. Хан строен, как молодой тополь, мотуч, как горный поток, и красива той мужественной красотой, которая рождала зависть в сердцах других мужчин и притягивала взгляды женщин». Паши устроил роскошный пир в честь гостя, угощал его дорогими винами, но хан от них отказывался, как истинный мусульманин. После пиря паши сказал хану: «Великий хан Отдай мне дочь свою, прекрасную Ой-Барчин. Дай мне, выкуп, какой пожелаешь, и мы оба уложим мощи наших царств».

Алпамыш вразрез отказался отдавать свою любимую неверному. Тогда разгневанный паши грозно закричал: «Отец отдашь? Так я сам возьму!»

Хамро выкрикивал эти слова с перекошенным от злости лицом: он был артистом-импровизатором, глубоко переживавшим то, о чем рассказывал.

— Хан схватил было свой тяжелый меч, но телокрантели паша обезоружили хана и его свиту. Разгневанный паши, забывший законы гостеприимства, кричал: «Вам ужо этого собачьего хана! В темноту его!»

И послышал безногого хана в зиндон? — глубокому яму, где ползали живые гады и бегали крысы. А прекрасная Ой-Барчин, как только узнала об этом, побежала быстрее дикой козы в безлюдные горы, спрятавшись там между камнями и стала горько плакать. Слезы, горячие, чистые, прозрачные, капали на землю, просачивались по трещинам и навеки застыли там в виде кристаллов.

Я вспомнил прозрачные, как льдишки, кристаллы гисы в белых горах Ай-Тау.

— Стража долго искала несчастную девушку и не могла найти. Ой-Барчин перебралась из одного

ущелья в другое, пряталась в пещерах и расовалих.

Паши Махкатыль-урус беговался от нетерпения. Вот он вымывает начальная стражи Джиню: «Напши? — спросил паши. Глаза его налились кровью». «Нет, великий паши, мы все еще ищем!» — «Мерзавцы! Ослиный навоз, вы гоните только для того, чтобы жрать и спать! Если сегодня к вечеру ты, Джиню, не приведешь мне Ой-Барчин, я отдаю тебя на съедение шакалам!»

Начальник стражи сделался беглым, как снежная вершина Кутан-Тау и Тау, и ничего не помня от страха, ушел от паши. Около дворца он встретил колдунью Мастан-кампыр. Она знала, что трюнит начальнику стражи, а знала, как ему помочь: «Слушай, Джиню! Дай мне полный платок золота, я найду тебе Ой-Барчин!» Джиню поспешил исполнить ее требование.

Дочь старая колдунья махнула рукавом — и стая воробьев вылетела в горы. «Джиню, — сказала старука, — скажи за воробоями, они найдут Ой-Барчине!» Действительно, несчастную девушку скоро нашли, и Джиню сам повез ее к паши. Махкатыль-урус взял прекрасную Ой-Барчин себе в жены.

— Чуужо дочь явил, а свою потерял, — вставил Умар.

— Да, его дочь Ой-тавука, —

продолжал Хамро,—видела, как вели по Хошимской дороге мужественного красавца Алхамы-хана в темницу, и полюбила его. Однажды она говорит лауре: «Я отпусти меня на Хошимскую дорогу, я там буду играть». «Ступай, дочка, да возьми охрану».

Ай-таука приказала своим людям сделать курган недалеко от устья хана, расположенной на другом кургане. Для этого паша построил роскошный дворец, и она стала жить в нем. Шесть лет по ночам Ай-таука своими нежными ручками рыла из своего двора подземный ход в темнице злодея. Алхамы-хану, влюбленному в свою жену, Ай-таука прислала Гуль-кыз помогала ей. Наконец Ай-таука достигла цели. Она пришла к злодейнице вместе с подосланными тысячами терских, обильных еств в сапитниках. Темницу хана она устала коврами, убрала цветами, в лучшем цветном была она сама. Но злодейко продолжало их блаженство. Старая вельмаха Мастай-кампыр тоже проходила и пришла к кургану хана. Она вниклась над тысячу ямой, чтобы взглянуть в темницу Алхамы, но Гуль-кыз сильно толкнула ее, и старушка упала прямо к хану. Алхамы скватил ее, но не удержал. Колдунья вылетела из ямы и скрылась, оставив в руках унька только клочок своей одежды. Она была в темнице одно мгновение, но успела увидеть там дочь паша.

Мастай-кампыр являлся к паше и сказал: «Великий паша! Я была в темнице Алхамы-хана, видела в объятиях этого соблазна мусульманша твою дочь Ай-тауку!» Макатыль-урус выскочил из крепости, чтобы лично расправиться с ханом, но в это время произошло удивительное событие. Паше преградили путь неожиданно появившейся мусульманский пророк Хазрат-али.

— Откуда же пришел пророк и зачем? — спросила Агата Петровна.

— У пророка был брат Хазрат-ахмат, — отвечает Хамро, — этот Хазрат-ахмат отправился окотиться в горы Кун-Тан-Тану и попал в

руки стражи Макатыль-уруса. Паша принял его за лазутчика и отрубил голову юному окотнику. Хазрат-али собрал войско и пришел сюда на помощь паше. Увидя голову Хазрат-ахмата на шесте у ворот ширабадской крепости, пророк разгневался и, обняв меч, напал на пашу. Завоевал бой. Макатыль-урус был великаном: 40 килограмм ростом и 25 килограмм весом.

— Как — это по-настоящему метр,— возмущался Игам-берди.

— Сорок ступ шел кровавый бой,— продолжалось пение Хамро.— Великий Хазрат-али выбил меч паше, свес своею кровию как молодой месяц саблею, голою великана Макатыль-уруса. Потом перебил всю семью паша, все войско неверных и все народы — племя аймак. Разрушил дворцы паша, сровнял с землей весь город Ширабад, разорвал все окрестные кишлаки, завалил колодцы и кыргыи трунами, залил землю кровью.

Во время боя сам пророк тоже был не ленив: он нечаянно попал в яму Алхамы-хана, но успел выскочить оттуда и освободить унька. Мужественный хан взял

меч и стал биться по правую руку пророка до тех пор, пока весь народ аймак не был перебит. В живых остались только Ай-барчи и Ай-таука.

— А что случилось с колдуньяй? — спросил я.

— Мастай-кампыр, — ответила Хамро, — завалил воинный полк камней, чтобы побить мусульманского пророка, но полки прорвались, и камни высыпались на землю в устье Газ-дзыла.

— Понимай это место, ак-

роге провел все свое войско далак-ла на лог, в город Балх. Понимай ли это устье?

— Помню, Хамро, помню. А что сталося с ширабадским царством, как же оно снова восстановилося?

— Край наш заглод,— продолжал старик чабан,— где был кишлак старей чабан,— там стала расти только арча, потом и город аэзокала, так как все истонились были завалены. Только один кыргыз уцелел — это Аймак-кыргыз. Понимай ли ты его прокладывае стругу? Но никто не пил этой воды, никто не осыпал ее свои вода. Все люди были перебиты, всюду валялись трупы... Прошли годы, человеческие кости заныло пашком, но никакого торжества стало видеть. Жизнь победила, народ умер.

— Откуда же вылезло люд, Хамро-бай? — спросила Агата Петровна.

— Люди? Дочь паша Ай-таука, возлюбленная Алхамы-хана, родила двух стройных и сильных сыновей, в дочь хана, прекрасная Ай-барчи, взятая паша в жены, родила в одно время с Ай-таукой двух красивых дочерей. От этих людей народились новые поколения, и через несколько столетий люди восстановили Ширабад, его сады и поля, выраили новые кыргыи, и снова завелась жизнь, завелась ресьи.

Хамро воодушевленно заявил: — Жизнь никогда не умирает. Жизнь вечна!

Слова людми, роющим кыргыи, производили каналы, орошающим поля! Слова тем, кто извлекает виноградники, разводит стада, строят кишлаки и города! Слова людми, которые ищут воду — источники жизни, ищут сокровища горы: золота, железа, соль, драгоценные камни. Слова строителям дорог, покорителям пустыни, победителям войны! Слова тем вдохновенным людми, что слагают прекрасные песни. Слова нашим великим вождям и нашей чудной жизни вечная слава!

Так закончил свое песно-рассказ старик чабан Хамро-баба из кишлака Тагмырак.

*Что мож
чище
сделае сам*

У меня с мамой часто бывають споры из-за того, что я мастерской, как она называет угоа коммат, который находится в полном моем распоряжении, почти никогда нет порядка. Я, конечно, соглашалась с ней и после «спорок» начинаю наводить чистоту. Но это не надолго, потому что в своей мастерской я работаю каждый день и пользуюсь всеми инструментами и приборами, какие у меня только есть. А их довольно много.

Сейчас я заканчиваю тринадцатилетнюю школу, и в ту же я работаю, стою тиски, древа, электропаяльник, на столе — вольтметр для наладки сложных приемников (его я сделала сам). Тут же лежат обрывки проводов, обрез-

ки железа и многое другое, что мешает мне соблюдать порядок.

А совсем недавно и сделала для Дома пионеров образец телефона, по которому каждый из ребят может сконструировать аппарат для себя или для лауре. Этот аппарат смонтировала на деревяной подставке виде буквы Т. На ней я укрепил обыкновенный электрический звонок и две батареи от карманного фонаря. Рычаг для телефонной трубки и направляющую скобу с осью, на которой держится этот рычаг, я сделала из железа. Трубку взял от настоящего телефона.

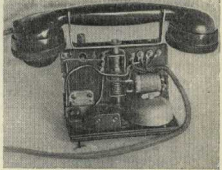
В этом году несколько учеников нашей школы, в том числе и я, решили установить радиозво в школы. Мы оборудовали крошечную комнату на четвертом этаже, откуда будут транслироваться передачи, установили контрольно-измерительные приборы и сейчас заканчиваем проводку на всех этажах.

Но для себя у меня есть свой план. Кроме починки электрических печей, утюгов и других хозяйственных вещей, этим летом я хочу еще сделать высококачественный телевизор в 18 ламп. Я уже сделала один, но не самостоя-

тельно, а с помощью товарищей. Теперь же мне хочется сделать самому другой телевизор, улучшенной конструкции.

Гриша Макарян

836-я школа, Москва.

Аппарат, который сделала Гриша Макарян.

Секрет за невидимым врагом

ВС. ЦЮРУПА

ги. Отряд энтомологов повел наступление на все бесчисленное множество видов тяжелых насекомых.

Предстояло решить задачу с очень многими неизвестными...

Первым, что обратило на себя внимание экспедиции, было то, что болеть вскипала главным образом в нетронутой тайге, куда впервые приходил человек, или там, где тайга подступает к самому поселку. Во-вторых, бросалась в глаза ярко выраженная сезонность заболеваний. Больше всего жертв болезнь выбирала себе в мае — июне — месяцах с невысокой температурой воздуха и большим количеством дождевых дней. Видимо, эти условия благоприятствовали вспышке болезни.

Но установило время и условия, в которых враг наносит свой удар, еще не значит установить адрес врага, его имя и оружие его нападения. Работа ученых в эти дни напоминала работу следователя. Нужно было сопоставить тысячу мельчайших наблюдений, на первый взгляд, казалось, не имеющих никакого отношения к болезни.

...В одном из поселков был отмечен особый случай заболевания. Сагела женщина. Это была местная жительница. Она рассказала, что за последние время ни с кем не вела дел и никуда не ходила, кроме тайги, где собирала кедровые орехи.

Первая догадка принадлежала академику Павловскому: именно в эти нежаркие, влажные дни в тайге появлялось несметное количество маленьких кровососущих животных, паукообразных клещей.

Клещи! Не эти ли крохотные животные, размером чуть больше блохи, и наносят огромные смертельные удары? Начался опрос больных и переболевших. Но большие металась в жару, без сознания. Переболевшие вообще оказались потерявшими память, а другие только пожимали плечами: кто же запомнит такие пустяки, как укусы клещей!

И только женщина, заболевшая последней, в короткий перерыв между днями, проведенными без сознания, сказала: «Да, вернувшись из тайги, я вышла у себя на теле двух вшиных-ли клещей»!

Факт казался почти установленным. Однако который из клещей заражает человека? В тайге богатая фауна — пятьдесят видов кровососущих насекомых и клещей было собрано и изучено экспедицией.

В вековых зарослях vyrубались просеки, вырастал научный городок, с лабораториями, помещенными для животных инфекционного бараком. Тайга неохотно расступалась перед гостями.

Беднечественная картина открывалась глазам ученых: еловетные джунгли и кедр, оплетенные жадными цингулами дикого виверга, травы в рост человека, гигантские папоротники, известные лишай и мхи, звериные тропы, заваленные буреломом... Миллионы маленьких паукообразных животных ползют в траве.

Трудно было себе представить, что именно они несут смертельную опасность человека.

Сотрудники экспедиции встречали эту опасность с открытыми глазами. Во время работы в тайге ученым приходилось снимать с себя за день по двести и больше клещей. Сотрудники Гугенин ежедневно прошивали в тайге за две по несколько часов, помещали клещам подуть на себя, чтобы точно установить все их виды. Пятидесятисемилетний академик Павловский не только осуществлял важную функцию экспедиции: он был одним из неутомимых ее участников. Долгие часы проводил он в тяжелых зарослях, совершенно забыв об опасности.

С первыми лучами утреннего солнца Борис Померанцев отправлялся в тайгу. Неустойно наблюдал за клещами, он установил, что они концентрируются вблизи тяжелых троп. Здесь клещи ожидали возможности напасть на человека или животное. Оказалось, у них тонкое обоняние: издали почуяв приближение жертвы, они принимают выжидающую позу, чтобы впасть и ухватиться цепкими коготками.

Постепенно раскрывалась тактика маленького смертоносного животного. Но враг еще не был разоблачен до конца. И неожиданно он вновь удар.

Однажды, проверяя свои наблюдения, Борис Померанцев углубился в тайгу дальше

Вы, конечно, читали в «Меню» статьи и очерки о научных работах, о новых открытиях, о творческих поисках наших ученых. Помните очерк А. Югова «Варьер» — нем рассказывался о деятельности андальского-Венеролога И. С. Петри; очерк В. Антошиной «Студ у реки Хушмон, повествование об исследованиях И. А. Кулина, который вынашивает гипотезу в сибирской тайге мегасити; статья И. Добрынина «Сибирская ахиллесова пята» Феликса Т. Дьяченко и другие.

В этом номере В. Цюрупа рассказывает об успешной борьбе советских ученых со страшной болезнью — энцефалитом.

Напишите нам: какие научные проблемы вас интересуют, какие научные статьи хотели бы прочитать, на страницах нашего журнала?

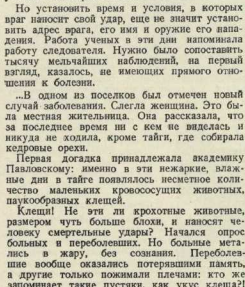
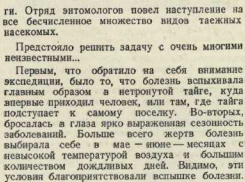
В 1937 году в Москву пришло тревожное известие из сибирской тайги, из мест, куда еще недавно не ступала нога человека. Советские люди, пришедшие туда, чтобы отведать у таежной природы ее несметные богатства, встретились с врагом неслыханным и страшным: среди них появился новый, никому не известная болезнь. Ее симптомы были бурны. Заболевшие люди свалились с температурой 39—40 градусов, терли сознание. Затем наступил паралич мышц шеи и верхних конечностей. Во многих случаях заболевшие кончались смертью, а на выздоравливших болезнь навсегда накладывала свою неизлечимую печать: они оставались парализованными.

Какова природа этой болезни? Кто является распространителем ее? Откуда попадает из организма человека? Передается ли зараза по воздуху дышаньем больного, таятся ли она в соках растений или насекомых, населяющих тайгу?

Отвечать на эти вопросы должны были экспедиции, созданные Народным комиссариатом здравоохранения СССР и Всесоюзным институтом экспериментальной медицины имени Горького. Четыре года работали эти экспедиции в тайге.

Научным руководителем отрядов зоологов и паразитологов был известный ученый, основатель советской паразитологии академик Е. Н. Павловский. Отрядами микробиологов руководил профессор А. А. Смирновичев. Экспедиции были организованы в широты и южные области Дальнего Востока, экспедиция составляла обширное лабораторное оборудование, десять—двадцать тысяч мышей и несколько обезьян для производства опытов.

Симптомы болезни были настолько необычны, что, выезжая, экспедиция даже не имела предположений относительно характера этого врага. Поэтому нужно было прощупать и атаковать неизвестного противника сразу со всех сторон. Так, по инициативе академика Павловского, родилась идея комплексного метода работы, то есть всестороннего изучения неизвестной болезни. Эпидемиологам довелось бы установить очаги заболевания, границы районов распространения. Терпеваты и невропатологи — изучить течение болезни у ее симптомов. Зоологи и биологи ввели под наблюдение животных и растительный мир тай-

Академик Е. Н. Павловский в тайге.

общего. Ночь и гроза заставил его выйти от лагеря. Он замочил в забрызганной охотничьей киске. И вот ночью на него навали клеши, которые несли в себе страшную болезнь. Когда Поморцев вернулся в лагерь, товарищи сидели с его кожи давадать нарешку приросившимся клеши.

Через десять дней Борис Поморцев умр... Погиб молодой, полный сил человек, талантливый ученый...

* * *

Вид клеши — носителя болезни — был обнаружен. Начались опыты. В жару клеши отлавливали мышей, и мыши погибали с признаками той же болезни, что и люди. Из мозга погибших мышей делали эмульсию и впрыскивали ее здоровым животным — болезнь поразилась и их. Но что собой представлял этот враг, живущий в клешах? Яд ли это, заключенный в слизистых железах животного? Или бактерии, поразившие при укусе? Являлся ли клеши самостоятельным носителем болезни или только переносчиком ее от человека к человеку? Это было основной вопрос. Если клеши лишь переносчик, — возбудителя болезни надо искать где-нибудь...

Такая лаборатория занялась размножением клешей. Из яиц, отложенных клешем — носителем болезни — выводились новые сотни животных. Норожденных клеши пускали на мышей — мыши гибли... Возбудителя болезни передавали от одного поколения клеши к другому, следовательно, клеши были природными хранилищами возбудителя болезни.

Так было доказано, что очаги болезни существуют в природе вне зависимости от человека.

Вооружившись сильнейшими лупами и микроскопами, ученые предприняли клеши в поисках того участка их тела, где таится грозная сила болезни. Молодое прозвала академик Пальковский виртуозом: точность, с которой ему приходилось работать, встречается разве в ювелирной работе. Он отделил каждый орган крохотного организма. Он приотвоял тончайшие эмульсии, которые под-

Работники экспедиции собирают клеши.

вергались фильтровому через самые сложные и тонкие фильтры. Но микробов на фильтрах не оставалось.

Исследованию подвергались все погибших клеши. Кровь больного человека принашивалась животным и вызвала болезнь. А враг оказался поперечным невидимым. Он жил в крови, размножался и поражал клетки головного мозга, не обнаруживая себя даже под самым сильным микроскопом.

Но он был попу, и следовательно, найден. Это был вирус — представитель мира мельчайших микробов, просящихся в которых есть самые тончайшие фильтры, недоступных микроскопу. Существует предположение, что размер каждого такого микроба не больше крупной молекулы. Измерить его можно было бы лишь миллионными долями миллиметра.

Тысячами опытов было установлено, что ткань головного мозга служит благодарной почвой для развития вируса, вызывающего заболевание.

В зараженном мозгу начинается воспалительный процесс, поражающий всю центральную нервную систему. Незнестная болезнь оказалась одним из тяжелейших видов энцефалита — воспаления мозга. Болезнь была названа весенне-летним ядом клешевым энцефалитом.

Враг-невидимка был распознан. Оставалось найти средство для его уничтожения. Были начаты работы по созданию вакцины и сыворотки. Сыворотку получали из крови переболевших клешевым энцефалитом человека, она вырабатала так на-

зываемые антитела, губительно действующие на вирус. Выпробував в первые дни болезни, сыворотка облегчает ее течение и предотвращает.

Но нужно было найти вакцину, которая могла бы предохранить человека от заболевания энцефалитом. Работы над ней начались в тайге и были закончены в лаборатории ВИЭМ. Профессор Смоородинов установил, что тот же вирус, который вызывает страшное заболевание, будучи введен в ослабленном виде, сообщает организму невосприимчивость к болезни. Пробами после такого выпрыскивания вводили в кровь животных слабейший вирус — животное не заболело; оно было иммунно.

Тогда проф. Смоородинов и доктор Левакович внесли в свою кровь вакцину, чтобы из себя испытать ее безвредность. С болезнью прикисывался коллектив к состоянию товарищей. Заболевание не последовало.

После этого началось массовое прививание энцефалитом. Прививки делались в природных очагах таянского энцефалита.

В 1940 году вакцина была принята десяти тысячам людей. Среди них один не заболел.

Самостоятельная работа группы советских ученых избавила население советского Дальнего Востока от тяжелой болезни.

* * *

Величайшие результаты работ экспедиции по клешевому энцефалиту помогли в кратчайший срок определить природу и другой болезни. Она появилась осенью в заболоченных местах. Эта болезнь была необыкновенно родственна по симптомам таяскому энцефалиту, и поэтому ученые привели вирус, носимый некоторыми видами комаров. Ученые исследовали пятнадцать тысяч комаров организмов и нашли тысячи вирионов болезни. Стор была получена и вакцина, предохраняющая от заражения.

Болезнь оказалась японским энцефалитом, названным так потому, что он сильно распространен на островах Японии.

Однако даже эти ученые исследователи были бы без разрешения вопроса о предупреждении и лечении этой болезни, однако до сих пор они не достигли результатов, а советские ученые в течение короткого срока распознали вновь появившуюся болезнь и выработали меры для борьбы с ней.

Академик Е. Н. Павловский, профессор А. А. Смоородинов и их сотрудники: молодые ученые М. П. Чумаков, Е. Н. Левкович, А. К. Шабалов, В. Д. Соловьев, проф. П. А. Петришина и многие другие — смелые новаторы, двигавшие вперед мировую науку.

Постановлением Совнаркома СССР постановлено коллективу академика Павловского и профессора Смоородинова присуждать Сталинская премия первой степени.

Научный городок экспедиции по энцефалиту.

Военная консультация

Что такое рейдер и как он действует? — спрашивает ученик 1-й школы г. Симферополя Виктор Рыжков.

Рейдер — это военный корабль, который, плавая на океанских просторах, захватывает и уничтожает торговые суда противника.

Во время первой империалистической войны германские рейдеры ловили английские корабли на всех морских коммуникациях.

Германский крейсер «Эмден», поставив фальшивые торпы, вошел в Бенгальский залив и здесь потопил 7 английских пароходов. Отсюда крейсер направился к острову Пейлон, являющийся которого захватил 6 транспортов. Перехватил английскую телеграмму:

«Путь Аден — Коломбо совершенно безопасен. — «Эмден» направился туда и потопил 6 английских пароходов. В порт о. Понгап «Эмден» вошел под английским флагом. Приблизившись к кораблям противника, германский крейсер поднял свой флаг и торпедировал английский крейсер «Ижмугу».

«Эмден» англичане захватили 27 кораблей, из них около 20 крейсеров. К началу второй империалистической войны Германия выслала в море два своих «сладких липорка»: «Дрейфак» — «Адмирал граф Шнее». Они тонили много торговых судов. Против неуловимых рейдеров англичане выслали 42 военных корабля, в число которых входят линкоры, авианосцы и крейсера.

«Дрейфак», действующий в Атлантическом океане, нарушил движение кораблей у западного побережья Африки, благодаря чему возвратился в Германию. «Адмирал граф Шнее» трюмил пересек океан; быстро унесла раины своего действия, он содал угрозу для судоходства у берегов Америки. После

волеи конвока английские военные корабли неслись липорк. Провозвещ был. Поверженный липорк был затоплен своей командой.

В настоящее время Германия выслала в рейдерство несколько автономных крейсеров. Они оперируют в Индийском и Тихом океанах, причиняя огромный вред английскому судоходству. Империалистические рейдеры, помимо артиллерийского и торпедного вооружения, имеют на борту мины и самолеты. В течение короткого времени рейдер потопил до 23 транспортов с ценным грузом. Для борьбы с ними отчаянно с двух сторон военных действий несколько крупных военных кораблей. С каждым днем увеличивается количество кораблей, оперирующих в Атлантическом океане. Успешная борьба с рейдерами.

А. КОНОПАЦКИЙ

Ответы на вопросы школьников Т. Шабаловского (п. о. Кривинский, С. Петроватовского (Шена), А. К. Шабалов (Шена), В. Подуринского (С. Шпеня, Орехово-Заводского края) и др. посланы почтой.

ЗА РУБЕЖОМ

Гибралтар с моря. На переднем плане авионесец «Игла».

ГИБРАЛТАР СТАЛ ОСТРОВОМ

Гибралтарский полуостров достигает в длину лишь около 4 километров. Но несмотря на свои небольшие размеры он имеет огромное стратегическое значение, так как господствует над проливом, связывающим Атлантический океан со Средиземным морем. Военные корабли, стоящие в гибралтарской бухте, могут запреть пролива для неприятельского флота. Поэтому Гибралтар называют «ключом к Средиземному морю».

История Гибралтара знает четырехкратную осаду, предпринятую соседними силами испанцев и французов в 1779—1783 годах. Осаждающие сосредоточили свои главные усилия на попытках захватить Гибралтар с моря. Историк «Великой осады» англичанин Дринкуотер писал: «Действия противника со стороны суши были столь маловажными, что почти не заслуживали нашего внимания». Неудача франко-испанской армии содала Гибралтару славу неприступной твердыни.

В наши дни Гибралтар является одной из важнейших военно-морских баз Англии. В гибралтарской

скале выкопаны глубокие бомбоубежища, подземные склады для боеприпасов и резервуары для горючего. И все же Гибралтар уже не является таким неприступным, каким его считали раньше. Развитие авиации сделало его уязвимым с воздуха, а современная дальноточная артиллерия может измергнуть целый дождь снарядов в 5 квадратных километров, составляющих площадь полуострова.

Поэтому англичане не перестают укреплять Гибралтар. В последние месяцы они проложили канал водопровода, соединяющий Гибралтар с сушей. Эта работа не представляла особых затруднений, так как переключе возмещается лишь на 10 футов над уровнем моря. Канал, непрерывный переключе, затрудняет военные операции, которые могут быть предприняты против Гибралтара со стороны суши.

Теперь Гибралтар окружен водой со всех сторон.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ В БОМБОУБЕЖИЩАХ

Во многих городах Англии и Германии, подвергавшихся частым бомбардировкам, население привыкло проводить вечера и ночи в бомбоубежищах. Чтобы как-нибудь скоротать время, люди стараются развлекаться.

В бомбоубежищах устанавливаются радиоприемники, прослушиваются патефонные пластинки. Там, где состав пластинки постоянный, организуются хоры и кружки. В крупных бомбоубежищах иногда демонстрируются кинофильмы.

Как отмечает иностранная печать, в бомбоубежищах в большом ходу карты, шахматы, шашки, домино. Женщинам собираются в

кружки и занимаются рукоделием.

На станциях лондонского метро, используемых в качестве бомбоубежищ, неоднократно устраивались концерты. Некоторые из этих концертов транслировались по радио.

Как сообщает английская газета «Манчестер гардиан», муниципальные власти Лондона создали особый комитет, ведущий организацию развлечений в бомбоубежищах.

ШПИОНАЖ И РАДИО

Американский журнал «Коррент истории» посвящает обстоятельную статью использованию радио в подпольной работе современных разведок. Журнал подчеркивает, что почти при всех шпионаж, задержанных в воюющих странах во время мировой войны, были обнаружены радиоприемники.

Как указывает американский жур-

Внутренний вид убешкища Англосона.

нал, в самый критический момент «битвы за Францию», в июне прошлого года, великий флаг армии генерала Хонтиггера несли далеко отступая, вступив лишь французского фронта. Неудачей оказалось, что это отступление было вызвано ложным приказом, передаваемым по радио неприятельской разведкой.

У египетской границы, встретив сопротивление англичан, колоннам итадо-германских войск останавливаются. Немцы навешивают цепи для удара по Александрии.

Противокос командование тоже готовится к решительным боям. В Египте сию минуту перебрасывают войска из Абиссинии, Индии, Южной Африки.

Англичане подтвердят непрерывным бомбардировкам единственно удобную дорогу — шоссе Бардана — Триполи.

На снимке вы видите участок этой дороги.

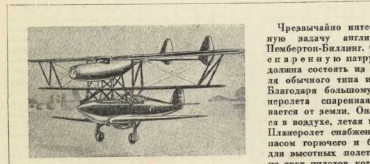

Рис. 1.

НОЧНОЙ ИСТРЕБИТЕЛЬ

Как германская авиация, так и английская отказались теперь от дневных налетов, чреватых большими потерями. Немцы, так же как и англичане, предпочитают совершать свои налеты ночью, когда у истребителей меньше возможности навязать на бомбардировщика.

Обе стороны приспособивают существующие типы дневных истребителей к условиям ночных боев и аккорратно работают над созданием нового типа самолета — ночного истребителя.

Авиоконструктору здесь приходится решать сложнейшую задачу.

Чтобы ночной истребитель мог патрулировать в воздухе, он должен обладать большим запасом горючего и боеприпасов. По тогда он станет тяжелой, неповоротливой машиной, т. е. перестает быть истребителем.

Чрезвычайно интересно решает эту сложную задачу английский авиоконструктор Пембертон-Бизлинг. Он изрекает построить истребитель с патрولیрующей машиной, которая должна состоять из однодвигательного истребителя обычного типа и планеролета¹ (рис. 1). Благодаря большому размаху крыльев планеролета спаренная машина легко отрывается от земли. Она может также держаться в воздухе, летая на небольших скоростях. Планеролет снабжен баками с большим запасом горючего и баками с запасом для высотных полетов. Его экипаж состоит из двух пилотов, которые смежняются у ручья управления.

Планет истребителя во время патрулирования освобождается от всякой работы, он прибергает свои силы для предосторожных боев. Мотор истребителя работает в это время на треть мощности.

Как только наблюдатель в планеролете замечает врага, истребитель мгновенно отцепляется от планеролета (рис. 2), дает полный газ и бросается на врага со своим, неизрасходованным запасом сил и горючего.

Роль планеролета — этой воздушной аниматки — на этом не заканчивается. В носу планеролета установлен мощный прожектор (вид планеролета расположен слева). Оба луча прожектора, который не покидает его во все время боя с истребителем.

¹ Планеролет — это планер, снабженный небольшим мотором.

При нападении на планеролет крутых вражеских машин он благодаря своему легкому весу может уйти от преследования на неослабеющем для них высоте.

Идея спаренного самолета сама по себе не нова. Она впервые была осуществлена французским конструктором Майо несколько лет назад. Для того чтобы дать возможность переустроить машину, отправляющейся в трансатлантический перелет, оторваться от земли, Майо спарил ее с другим самолетом. После того как, зарасходовав горючее, основная машина прибора нормального веса, ее «парня» отцепили и машина продолжила одна свой полет.

Ходит слуховое самолета Майо доказывает, что проект Пембертона-Бизлинга не содержит в себе ничего фантастического.

Рис. 2.

Нас три восьмиклассника, и мы решили начать изучение произведений Ленина. В горской библиотеке нам дали указания, с чего начать и как читать, чтобы лучше усвоить. Мы начали с того, что прочитали первую главу «Краткого курса истории ВКП(б)» и затем принялись за сочинения Ленина. Каждый из нас читает отдельно, а потом мы собираемся и обсуждаем прочитанное.

Секретарь комитета комсомола узнал о наших занятиях и сказал, что это совершенно лишнее, мы еще не доросли до Ленина. Вожатый его похвалил. Мы с ними спорили, но так и не смогли убедить. Напишите, бросать ли свои занятия или нет. Ждем ответа.

От имени троих
Лев АНТОНОВ

г. Чернышов.

Мы все же советуем вам не бросать ваших занятий. Конечно, вам не следует сейчас читать подряд полное собрание сочинений Ленина. Многие пока надо пропустить, познакомиться поближе с основами знаний, тогда вы сумеете лучше понять и усвоить ленинские мысли.

Мы правильно сделали, что начали с «Краткого курса истории ВКП(б)». Конечно, прочитав произведения Ленина, отнесенные к первой главе, мы приступим за вторую? Такой ваш план?

Это неверно, что вы «не доросли» до чтения произведений Ленина. Вы поставили перед собой трудную, но достижимую цель. В десятом классе вы будете изучать историю партии и некоторые произведения Ленина, но если эта потребность возникла у вас раньше, чем это подлагает по программе, что ж, занимайтесь. Советуем вам не стесняться, и если встретится непонимание, задавать вопросы работникам района партии, райкома комсомола, педагогам.

В УСУРЬИЙСКОЙ тайге

С. ГЕР

Случалось ли вам оглянуться только что прочитанную книгу с ощущением хорошего внутреннего беспокойства, когда то быстрыми шагами ходишь по комате, то долго стоишь у окна?

Книга Н. Емельяновой «В Усурьийской тайге» (издательство «Советский писатель») привлекла к числу именно таких литературных произведений, произведений, способных вызвать воображение читателей, вызвать свежие мысли.

В чем обаяние книги? В том ли, что автор — девушка из профессорской семьи — ведет жизнь горной тайги и с большой любовью рисует ее ландшафта? Да, конечно, и в этом. Описание своеобразной и своеобразной усурьийской природы составляет одну из привлекательных сторон книги.

Мы видим, как просыпается тайга, как древет черемуха — «огромные, белое до инуе ее дерево похожи были на пробиряющиеся по лесу медвежьи облака», — выдыхает ли с чем непереносимой прелестью и сползает вихорь.

Глазами тонкого, наблюдательного художника видит автор жизнь тайги, поэтому так подкупают пейзажи в повести, так выразительны и чуждые детали:

«...если слово палятик, слышишь и понимаешь, что делается далеко в лесу. Слышишь порохи движение мелких мушкетеров, вышедших на добычу, слышишь фырканье ежа, шепот поповей-кишки и гудение жуков... Шумит Сугутинка на перекате, скрипящую трясину дерево, астероиды — напущающая трупом ногой, идет человек. В костре чуть тлеют угли; тлеют свечки, выслышала и угасли; над головой движется звездный Правое же, после этих строк самого изощренного городского человека потянет на почку под широкий полог неба!

Но главное в книге Емельяновой — не описание тайги, а то отношение, которое складывается у людей к природе. Некогда человек и природа противостояли и друг другу, друг друга, как две слепые силы, скатывавшиеся в неравном бок. Летние тропические ливни смылали расквашенные среди вырубок липня перелых переоселенцев, зимние холода выморозивали сды.

Героиня повести, которую мы немалю отождастваем с автором, смотрит на природу с любовью и уважением, но и без всякого полюбострастия. Господи, она привыкла в равновесии научной горно-таежной станции, чтобы изучать родословную лавнодеюго участка земли, составить геологическую карту, вести свой вклад в освоение тайги и тем самым научить человека хозяйничать в лесу, не истощая, а оберегая дерево, птицу и зверя. Новое, высокое гуманное отношение советских людей к природе и есть, таким образом, одна из главных тем книги.

Но это большое чувство оказывается не по плечу некоторым работникам молодого заводника. Егорь Моссеенко и Писорин, десятник Куродов — козылье люди, равнодушные к своему делу. Видимы страшной болезнью — равнодушием — живут в природе и экологического персонажа повести — научного работника Кольма.

Героиня повести ергинские чудим равнодушные люди, они вымывают у нее проект и негодование. Она дружит с богатичной Зиной Лучини, ее тянет к замечательному таежному оловоду Ивану Антоновичу, сумевшему вывести морозостойкие сорта пшлов, члассе

ку мичуринского уювета и мичуринской стрелности в работе. Образ молодой девушки Куи Лучини выписан в повести с особенной теплотой.

Поведение Зины в тайге, ее взлобное отношение к своему делу, удивительная скромность в сочетании с твердостью и непреклонностью — все это вызывает большую симпатию читателей. Кольм спрашивает Зину:

— Как зато вы можете жить постоино на ртоне Кривою? Всегда в лесу и ода.

Зина на это промолчала. Он снова спросил:

— И сколько вы получаете? Наверно, гроши.

— Ну, что вы! — горничо ответила Зина: — Если бы мне и еще несколько палятика, я все равно работала бы. Все дело в том...

— А, понимаю, — сказал Кольм, — все дело в слабизне!

Зина отозвалась от него.

По огромным книгам проходил только равнозначного указа, уровня культуры, разных моральных качеств. Один самоотверженно трудится, и таких к концу произведения становится все больше, другое формально относится к работе, они живут для себя, для своих мелких личных интересов. На стороне писателя, не замечая этого, оказывается директор заводника Старовский, пытающийся в лучу проектерских планов все делать своими руками. Директор и автор не спорят даже; он отнимает у работничной труппы на творческий труд, законное право советского человека чувствовать себя нужным и полезным не только в своем, но и в общем деле.

Это чувство в высокой степени присуще Зине. И когда на нее сыпется один за другим жизненные удары (неправильное увольнение из заводника, гибель геологической коллекции, потеря рукописей), она не терпит самообладания, не слонется. Отвечаям она чувствует, что сознает себя частью большого, разумного, преобразующего природу целого, или которому — коллектив. Она, геолог, делает в тайге не личное, но коллективное дело, и поэтому неслучайно с коллективом — только частная неудача, которая не может остановить общей работы. Вот вывод, к которому приходит героиня этой своеобразной по манере повести, где множество мысли-тропичков, как в лесу, разбегается в разные стороны, чтобы и конце своего пути встретиться в центральной теме книги. Герои повести формулируют ее так:

«...Полнота существования — это выражение радости от сделанного общего труда, в котором человек узнает свое и доказывает, что вот и от него что-то прибавилось, отдалось».

Интересно было бы продолжить этот разговор о смысле существования, о работе, которая выполняет большим содержанием жизнью, но правда ли, читатель?

Но автор терпелив. У него вперед много работ. Вель он должен показать, как в заводнике пришли новые люди, как были изгнаны косность и равнодушие, как зиму сменила пышная усурьийская весна, которая даста годка за любимой работой, и как у подножья шлещи, среди зеленых кедров, была найдена чудотвудная сахалинская вишня... Впрочем, стоит ли дальше рассуждать? Вель все это можно прочесть в книжке, издательской принашивающей воображение к далекому горно-таежному краю, и смеяться и настоячим людям, поблещивающим стихия ветра, воды и холода.

УТКА

Мы живем в виду на ту утку, которая перевалывалась на оранжевых лапах, у этого слова есть и другое значение — ложные слухи, неправдоподобные выдумки, вымысел, которое, как догадывается читатель, вряд ли имеет отношение к птице...

Почему же утка пришлось опорочить свое честное имя ассоциацией с какою-то вражеской? Прощая этого, как принято выражаться, уходим в глубь веков.

В XVI веке в Западной Европе кипела борьба католической церкви с реформацией. Крупнейшим деятелем реформации был Мартин Лютер. Он резко выступил против инсинуаций догматов католической церкви. Как-то, говоря о чудесах св. Франциска, которые грешили слухом святого даяния в дни чудесной войны, он употребил вместо слова «легенда» — «люгенда» («Lige» — «ложь»); «Люгенда» о чудесах по существу скорее превратилась сначала в «Ligendes», а потом и в «Lige Ente», что по-немецки означает «живая утка».

Одновременно выражение еще сократилось. Осталось только слово «Ente» («утка»), которое и сохранило за собой смысл целого оборота (неправдоподобные выдумки, вымысел).

Немецкую «утку» («Ente») перевели на свой язык французы.

Наконец, в XIX веке французская утка была переведена на русский язык. Так появилось у нас второе значение слова «утка».

И. МАХОВСКИЙ

возникла повинная, не предусмотренная в теоретических монографиях: с7—с5. Но тогда его постигла неудача.

Какой же ход избрал он сейчас?

7. ... с7—с5!

Все-таки!

8. 0—0—0

Этот же ход был с успехом применен против новинки Ботвинника в XII чемпионате. Черные сыграли тогда 8...0—0 и после 9.d4: c5; c3 10. Фc3: g5 11. Сg3 Ke4 12. Фa3 получили худшую позицию.

На этот раз Ботвинник продолжает иначе:

8. ... Сb3—c3

9. Фc2: c3 f7—g5

10. Сb4—g3 e5: d4

11. Фc3: d4

Если 11. L: d4, то после Кe6 черные получают стратегическую атаку.

11. ... Кb8—c6

12. Фd4—a4 Сe8—f5

13. e2—e3

Чтобы перекрыть опасную диагональ путем 13. Сf1—d3.

13. ... Лd8—c8

14. Cf1—d3 Фd8—d7

15. Kpel—b1

Необходимо, чтобы предотвратить потерю ферзя после отхода (с шахом) короля e6.

15. ... Cf5: d3+

16. Лd1: d3 Фd7—f5

17. e3—e4 Kf6: e4

18. Kpb1—a1 0—0

19. Лd3—d1 h7—h5!

20. Фa1: h5 Kc6—d4

21. Фh5—d3 Kd4—e2+

22. Kpa1—b1 Ke2—b4

Белые сдались.

Так, спустя полгода Ботвинник доказал, что его новинка — ход 7... с7—с5 — правильная.

ШАХМАТЫ

Отдел ведет Л. Гугель

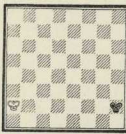
ШУТОЧНЫЕ ЗАДАЧИ

№ 186 Г. Агаселя
цех 2 и 100

Мат в 2 хода.

№ 187 А. Гузиев и Л. Гугель

Мат в 2 хода.

Сначала черные, потом белые берут обратно свой последний ход. В получившейся позиции белые двигают мат в один ход.

что вторично меняет способ решения задачи.

Вторая композиция — самая маленькая на когда-либо опубликованных задачах.

Первая из этих композиций содержит в себе, по существу, четыре различных задачи. В зависимости от поворота доски меняются направлением движения пешки,

ВСЕ-ТАКИ С7—С5!

В третьем туре матча-турнира шести сильнейших шахматистов СССР (апрель 1941 г.) встретились гроссмейстеры Михаил Ботвинник (Ленинград) и Шауль Керес (г. Тарту, Эстонская ССР).

Партия между ними (большая игра Керес) называлась с обычного варианта так называемой защиты Нимцовича:

1. d2—d4 Kр8—f6
2. c2—c4 e7—e6
3. Kh1—c3 Сf8—b4
4. Фd1—e2 d7—d5
5. e1: d5 e6: d5
6. Ce1—g5 h7—h6
7. Сg5—b4

Как сыграл теперь Ботвинник? Полгода назад, играя в XII чемпионате СССР, он применял в этой

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТЕХНИКУМ ТОЧНОЙ МЕХАНИКИ И ОПТИКИ

(Боровая, 34)

ОТКРЫТ ПРИЕМ СТУДЕНТОВ

НА I КУРС ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

1. Техников-технологов по механической обработке оптико-механических приборов.
2. Техников-механиков по конструированию и сборке оптико-механических приборов.
3. Техников-оптиков по расчету оптических систем и по механической обработке оптического стекла.

РОК ОБУЧЕНИЯ — 4 года.

В ТЕХНИКУМ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА
в возрасте от 15 до 30 лет
с образованием не ниже семилетки.

●
СТИПЕНДИИ НА ОБЩИХ ОСНОВАНИЯХ.
ОСТРО НУЖДАЮЩИЕСЯ
обеспечиваются общежитием.

●
ПРИЕМ ЗАЯВЛЕНИЙ по 10 августа.
ПРИЕМНЫЕ ИСПЫТАНИЯ с 11 августа.

СПРАВИН в канцелярии техникума
или по телефону 5-39-21 или 2-34-15

Отвественный редактор М. Г. ОСИПОВ.

Редакторы: П. Г. Антокольский, Р. Д. Брусиначкина, Д. М. Гутнер, М. С. Зоркий, В. А. Меликов, М. Г. Осипов, А. К. Югов.

А 37857. Подл. к печати 30/V—41 г. Изд. № 550. Формат 72×100 см. 4 п. л. 98 000 зп. в печ. л. Зак. 1474. Тираж 45 000

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 2 рубля

